НАТАЛЬЯ

АНДРЕЕВА

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Вячеславовна Андреева
Новое платье королевы

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8508486
Андреева, Наталья Новое платье королевы: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-087587-0

Аннотация

Удача как калейдоскоп: поворот… и загадочная картина, другой… и хаотичное смешение красок. От розового до серого…

Две молодые девушки приезжают в Москву, чтобы найти хоть какую-то работу и помогать родителям. Им везет: одна устраивается на работу в престижную компанию, из другой модельное агентство берется сделать королеву.

Но амбиции и аппетиты будущей королевы растут с непомерной скоростью: она строит интриги, вытряхивает из чужих шкафов забытые скелеты и пытается манипулировать окружающими людьми.

В результате белокурую красавицу находят на берегу озера убитой. И следствие упирается в тупик. Так много людей желали ей смерти! Так мало хоть что-то могут рассказать о ней…

Книга также издавалась под названием «Эскорт».

Содержание

Королева умерла…	5
Королеву выбрала свита	14
И к трону почти привела	38
Но вот королева убита	61
А свита в смятенье пришла	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Наталья Андреева
Новое платье королевы

© Андреева Н., 2014
© ООО «Издательство «АСТ», 2014

Королева умерла…

Народу на перроне было мало. Высокая шатенка в старом полушубке постоянно оглядывалась и не выпускала из рук чемодана. Поезд опаздывал, как, впрочем, и всегда. Девушка косилась на группку крикливых женщин с огромными клетчатыми сумками в руках, прикидывая, кто же из них окажется ее соседкой по купе. Сумки были пусты, женщины ехали в Москву, на Черкизовский рынок, за товаром. Всех их в городке хорошо знали, на рынок-то хоть раз в неделю ходит каждый. Для женщин с огромными сумками поездка в Москву была делом привычным, шатенка же боялась и предстоящей дороги, и шумных попутчиц, и туманного будущего, в которой не было ей обещано ни жилья, ни денег, ни работы. Но еще больше боялась, что скоро наступит весна, вместе с ней ожидание праздника, а он опять не придет. А потом наступит долгожданное лето, и пролетит в одно мгновенье. И снова осень, дождь, слякоть, тоска, и, наконец, опять придет долгая, холодная зима. И – ничего. Год прошел, как сон пустой.

Девушка невольно передернулась. Что хуже? Неизвестность или расписанная на много лет вперед унылая, скучная жизнь? Гудок тепловоза. Наконец-то поезд! Ее никто не хватился. Все на работе, она оставила на столе записку. Чтоб не искали. Деньги в доме были, хватило на билет до Москвы, и

она рассчитывала, что хватит и на первое время. На скромное жилье и простую еду, пока не найдет работу. Но как же страшно, Боже ты мой! Как же страшно… Ехать в никуда.

Войдя в тамбур, она еще раз оглянулась: а, может, вернуться? Никто ничего не узнает. Сдать билет, порвать записку. Поддавшись порыву, девушка захотела выйти, но сзади уже напирали женщины с сумками, которые протолкнули ее дальше, в вагон. Поезд не задержался на маленькой станции, минута – и перрон поплыл назад, выйти шатенка не успела. Она испуганно огляделась. Вагон чистенький, хотя и старый. Безликие двери купе. Какое же из них ее?

– Девушка, одеяло брать будете?

– А что, у вас холодно? – испуганно спросила она. Вдруг захотелось домой. Пусть однообразно, скучно. Зато тепло.

– Я вообще-то топлю, – буркнула проводница и посмотрела на девушку с неприязнью. На студентку не похожа, студенты еще не возвращаются с каникул обратно в Москву. Чего этой-то там делать? Болтаться по вокзалам, в поисках хоть какого-нибудь заработка? Хотя, одета прилично, лицо не накрашено. Проводница сжалилась:

– Ну, чего стоишь? В купе заходи. Билет-то есть у тебя?

– Да, конечно, – девушка поспешно полезла в сумочку, искать билет.

Проводница внимательно осмотрела проездной документ, и кивнула: проходи. Буркнула: второе купе. Девушка нерешительно дернула за ручку. То ли заело, то ли заперто.

– Не заперто, войдите! Дергайте сильней, – раздалось из-за двери. Шатенка сильнее потянула за ручку, и, справившись, наконец, с дверью, вошла в купе. Где увидела два таких же испуганных глаза и светлую челку над ними.

– Ой, слава Богу! – ее соседка вздохнула с облегчением, заговорила радостно: – А я думаю: вдруг купил билет в это купе мужчина, и придется всю дорогу ехать с ним. Вдвоем. Хотела проводницу попросить, чтобы, сразу «переселила» меня к женщинам. Ой, как же мне повезло!

Похоже, что повезло обеим. Девушки еще только присматривались друг к другу, но это уже была взаимная симпатия, а не взаимная неприязнь. Они были чем-то похожи, и одинаково хорошенькие, в меру, не то чтобы одна была красавица и другая бы ей тут же позавидовала. Обе высокие, стройные, одна шатенка, другая блондинка, у одной глаза серо-голубые, у другой серо-зеленые.

– Наташа.

– Вика.

Они легко нашли общий язык, а вскоре и сами удивились, как это жили друг без друга до сих пор? Почему поехали в столицу на поиски счастья, не вместе, а по одиночке? Но несправедливость была устранена и они теперь взахлеб рассказывали свои биографии, делились сокровенным.

– Знаешь, мне так все надоело! Окончила курсы секретарей, потом бухгалтерские курсы, потом школу, где обучали на манекенщиц. У меня рост хороший, вот и решила попро-

бовать. Но в нашем городке это сплошное надувательство. Заманивают девчонок, вроде меня, берут деньги, и внушают, что мы на что-то годимся. А работы для нас в городе нет. Тем более, моделями! Мать не пускала в Москву, но я все равно сбежала…

– Ужас, что за жизнь! Выскочила сдуру замуж в восемнадцать лет, в двадцать родила ребёнка. Пробовала работать, но в государственных учреждениях денег платят мало, а частники все соки выжимают. У них не разбогатеешь! Окончила местный пединститут. И курсы секретарей, как и ты. Что толку-то с этих курсов? Печатаю быстро…

– Ой, и я тоже!

– … а работы все равно нет. Муж приносит зарплату, ее, как всегда не хватает. С мая месяца в огороде, сажаем, поливаем, пропалываем. Родители мужа деньгами почти не помогают. У меня же одна мать, отца нет. Не бедствуем, конечно, и с голоду не умираем, спасибо подсобному хозяйству, но тоска. Тоска страшная. А я жить хочу. Понимаешь? Жить.

– Ой, и я! Пусть не получится, так хоть посмотреть на нее, на Москву-то. Какая она? Ты была там?

– Муж был. С родителями, в детстве. А я только слушала, что он рассказывал. Интересно. Ты, где жить-то собираешься?

– Квартиру снять. У меня тетка в Москве, так я с недельку у нее поживу, а потом найду квартиру или комнату. И работу.

– Давай вместе? А? На двоих дешевле.

– Ой, и, правда!

– И работу вместе будем искать. И, вообще, вдвоем не так страшно.

– Как нам повезло! Мы теперь вместе.

– Да. Повезло.

И они на радостях достали похищенные из дома съестные припасы. Обе ведь уехали нелегально, вопреки воле родных. На столе появились чай в термосе, бутылка дешевой минеральной воды, бутерброды с неаппетитной колбасой местного производства, горстка конфет, пряники и сушки. Но голод общения был сильнее. Встретились родственные души. Сколько же им надо было сказать друг другу! Когда одна почти уже засыпала, другая тут же спрашивала:

– Ты не спишь? А я вдруг вспомнила…

И вновь рассказ о событиях прошлых лет и грезы о сказочном будущем. Им не терпелось. Делать что угодно, только бы не сидеть и не ждать. Действовать.

Они задремали уже под утро, поспать удалось пару часов. Когда поезд остановился у перрона Казанского вокзала, две девушки уверенно ступили на Московскую землю самыми близкими подругами, даже и, не подозревая о том, как поразному сложится их судьба…

…Ричард Носков спросонья не понял, в чем дело. Так рано ему давно уже никто не звонил. Клиентки, обслуживае-

мые Ричардом, сами просыпались к полудню. Временное измерение, в котором существовал Носков и его дамы, находилось вне понимания людей, испытывающих недостаток в средствах. Вынужденных зарабатывать в поте лица на хлеб насущный. Те с утра уже давились в общественном транспорте, в девять – десять зевали на своих рабочих местах, к полудню начинали мечтать о том, как отведают в обеденный перерыв очередной дежурный суп в ближайшем кафе. Носков же в это время видел сладкий сон, в котором не было места надрывавшемуся телефону.

– Какого черта! – обиженно хрюкнул он в трубку.

– Ричард! – раздался в ней истерический женский вопль. – Ричард! Ты не смеешь сейчас спать!

– Мадам, вы ошиблись номером. Ваш Ричард не смеет, но тот, который прописан в этой квартире…

– Заткнись! – рявкнула дама. – Танечка в больнице! Все кончено. Это скандал.

Носков разом проснулся:

– Эжени, это вы? Как это на вас не похоже! Еще слишком рано.

– Не время для твоих дурацких шуток, Носков. Она перебрала дозу. Кто давал Танечке наркотики? Ты? Олег?

– Евгения Львовна, вы не правы, – мягко сказал Ричард. – Мы с Алексом себе не враги. Это наше общее дело. Разве мы могли? Замять можно? Вылечить?

– Не выйдет. Мы готовим будущую королеву, которая по-

едет покорять Европу, а, потом весь мир. Забыл? Что будет, если журналисты узнают, что она наркоманка? Пусть даже бывшая. С Танечкой кончено, Ричард.

– Не зовите меня так, Евгения Львовна! – взмолился Носков. Его патронесса переходила на «вы Ричард» только в случае глубокого траура. Поэтому Носков и сам понял, что с Танечкой кончено.

– Но заказ остается? – уточнил на всякий случай он.

– Вот именно. Региональный конкурс в начале апреля. У нас меньше месяца.

– Хватать первую попавшуюся? С улицы?

– Я уже позвонила в газету и дала объявление, – сухо сказала его собеседница.

– Какое? – усмехнулся Носков. – «Требуется девушка на роль Королевы Красоты, без вредных привычек, без характера, без дури, без всяких талантов, без…».

– Шут. Клоун. Мой рожу и через час в офисе.

– Я только что проснулся. Дайте мне время, – взмолился Носков.

– В экстремальной ситуации объявляется чрезвычайный режим. После десяти вечера – комендантский час. Подъем в восемь утра.

– Нет!

– Отбой не позже одиннадцати.

– Нет!

– Я лично прослежу, чтобы ты не болтался по ночным клу-

бам. Работать, Ричард, работать. Жду.

Носков услышал гудки. Он постепенно начинал осмысливать происходящее. Полтора года работы псу под хвост из-за идиотки, которая не выдержала нервного напряжения и стала глотать стимулирующие таблетки! Поначалу «экстези», потом кокаин, а теперь что? Какой дряни Татьяна перебрала? Впрочем, особого значения это не имеет. Крах. Скандал. Конец всему. Эта дрянь все испортила. Имеется ввиду Татьяна и ее пагубная привычка. А поначалу была на все готова, лишь бы увидеть дальние страны и услышать восторженные крики толпы. Да здравствует Королева! Он поздно понял, что Танечка любит покушать. Та умело прикидывалась созданием бесплотным и питающимся нектаром цветочным, а сама грезила о кремовых тортах. Ни тортов, ни пирожных ей не давали, и раздражение против этого постоянно росло, пока не закончилось нервным срывом. Диета при ежедневных физических нагрузках и суровом рабочем графике оказалась Танечке не по силам. Она нашла спасение в наркотиках. Балованная девочка из обеспеченной семьи, любимый ребенок, подарок маме и папе на старости лет. Нет, она с самого начала была обречена. Нельзя больше так проколоться. Проще из умницы, серой мышки, сделать красавицу, чем умницу из красивой дуры. Сие невозможно.

Ричард зевнул и спустил ноги с кровати. По профессии он был стилистом, художником, и в идеале видел перед собой чистый лист бумаги вместо лица. С прорезями для глаз

и рта. Допустимы еще дырочки для носа, чтоб не задохнулась. Берешь коробку с гримом, взмах рукой, и… Волшебное преображение. Быть может, это судьба? Шанс Ричарда Носкова. Все должны увидеть, какой он великий художник. Что ж, Королева умерла. Да здравствует новая модель! За работу! И, окончательно проснувшись от этих сладкий мыслей, Ричард надел, наконец, носки.

Королеву выбрала свита

Эта штука называлась «аквариум». Девушек приглашали на собеседование, предлагая должность личного секретаря. Они приходили, рассаживались в приемной и ждали, когда их начнут вызывать к директору. Каждая была уверена, что все начинается именно с общения в кабинете. Девушки весело болтали друг с другом, вставали, ходили, садились, смеялись, поправляли прически и макияж, и не знали при этом, что отбор уже идет. Одна стена приемной была прозрачной. Вернее, с той стороны, где находились девушки, это было огромное зеркало. Именно перед ним они и вертелись, склоняя на бок хорошенький головки и любуясь ровными зубками и стройными ножками. Но ни одна из девушек не знала, что по ту сторону зеркала за их милыми ужимками наблюдает группа придирчивых специалистов, снабжая каждый жест не очень лестными комментариями.

Просмотр организовала Евгения Львовна через своего хорошего знакомого. Она знала о слабости директора одной солидной фирмы к хорошеньким девушкам. Тот часто менял своих секретарш, и обращался иногда в модельное агентство Евгении Львовны Раскатовой с просьбой переадресовать профессионально непригодных красавиц ему. За интересом бизнесмена не было ничего предосудительного. Он любил красоту как предмет культовый, не для личного поль-

зования. Красивые лица и тела доставляли бизнесмену ни с чем не сравнимое удовольствие. Он просто смотрел. И устроил у себя в офисе этот «аквариум», где почти ежемесячно проводил отбор секретарей для своей не маленькой фирмы. Теперь же Евгения Львовна попросила у знакомого ответное небольшое одолжение, и расположилась по ту сторону зеркала вместе с Ричардом Носковым и Олегом Новлянским. Первый был стилистом в ее агентстве, второй – хореографом.

Русские женщины были в большой моде. Евгения Львовна с этого и жила. Она давно уже поняла: в мировых столицах моды грядут русские сезоны, и поспешила открыть модельное агентство. Да и в стране ее подопечным работы хватало. Евгения Львовна поначалу самолично отбирала девушек, на время, становясь для них матерью родной. Потом по стране поехали ее рекрутеры. «Рабочий материал» селили на съемных квартирах, кормили, обучали, потом пускали в дело. Два – три года, и отпускали на вольные хлеба. Индустрии моды, этому безжалостному Молоху, постоянно требовались новые лица. Что будет со старыми, мадам Раскатову не интересовало.

Но был и штучный товар. Те, с которыми Евгения Львовна работала с особой любовью, кого опекала лично и не отпускала от себя ни на шаг. Потому что знала, что продаст баснословно дорого.

Мода, тут уж ничего не поделаешь. На Конкурсах Красо-

ты хорошие призовые деньги, а по итогам баснословные контракты. Евгения Львовна готовила участниц, она же брала откаты. Ведь сколько приходилось возиться с «материалом»! Особенно на экспорт! Надо не только научить модели красиво двигаться, но и красиво говорить. У выигравших конкурс, случается, берут интервью. А иностранные языки? А манеры? Никто из ее подопечных не в обиде. Мадам Раскатова вкладывает в девушек деньги, она же получает дивиденды. Организовывает контракты. Получает проценты. Все будет хорошо, только надо делиться.

Одну из своих девушек, Танечку Петухову, Раскатова воспитывала именно как будущую Королеву Красоты. Этот заказ разместили в ее агентстве, пообещав солидные призовые. Если девушка достойно выступил на *самом высоком уровне*. Евгения Львовна подозревала, что такой заказ получила не она одна, и очень уж хотелось выиграть. Доказать свою профпригодность. Уровень мастерства определяют победы. Громких побед за Евгенией Львовной и ее агентством пока не числилось, и мадам Раскатова решила: пора! Полтора года билась! Танечку не засвечивали в показах мод, готовили ее «трудовую» биографию, учили языку, раскованности, и, в то же время, королевской сдержанности. Конкурс красоты – это не стриптиз-шоу. И не съемки для мужского журнала. Все должны почувствовать, что перед ними порядочная девушка из хорошей семьи, умненькая, а не только хорошенькая, которая главную свою цель видит в том, чтобы

окончить высшее учебное заведение и заниматься благотворительностью будучи в должности Первой Красавицы. Евгения Львовна столько вложила в Танечку, что не сомневалась в ее победе. Если бы не скандал, и Танечку, и Евгению Львовну ожидал успех.

Теперь все рухнуло. Раскатова кусала локти. Ну почему не прислушалась к Носкову? Тот всегда был против балованных маменькиных дочек. Говорил, что ставку надо делать на «материал» из глубинки. На «железную леди», сильную личность. Мол, красота безвольная – это инструмент для чужого удовольствия. Зато со стальными нервами и железной волей – уже для своего. Надо было, чтобы претендентка знала: это единственный в ее жизни шанс. И вложилась бы без остатка, наплевав на свои капризы и личные обиды. Чтобы умела проигрывать. С достоинством и улыбкой на лице, со словами благодарности в адрес удачливой соперницы. Но и выигрывать умела бы тоже. Да так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений: она лучшая!

Конечно, в распоряжении Евгении Львовны всегда имелись миловидные девочки. Они умели красиво ходить по подиуму, носить вечерние платья и беспрекословно выполнять любые приказы хозяйки. Но все они были натасканы именно как профессиональные манекенщицы. Движения заученные, лица безразличные. К тому же, все они участвовали в показах мод, и давно уже примелькались. И как быть с «трудовой» биографией?

Вот поэтому и сидела теперь Евгения Львовна Раскатова в маленькой комнате, за зеркалом, разглядывала девушек, которые и не подозревали о том, что их придирчиво изучают.

Это была уже третья партия красавиц. Объявление в газете дали вчера. Аппетитный кусочек сыра: «Солидная фирма объявляет конкурс на должность секретаря. Зарплата высокая, в у.е. Обеды в офисе, оплачиваемый отпуск. Требования к кандидаткам: возраст до двадцати лет, рост от 175 см, привлекательная внешность, английский разговорный» Кроме объявления был дан запрос в несколько кадровых агентств. Те ухватились за жирный кусок в виде комиссионных и присылали кандидаток большими партиями. Недостатка в девушках не было. Дело в том, что ошибиться было нельзя. Сроки поджимали. Плохого секретаря можно уволить, но, выбрав сейчас претендентку на королевский трон, работать с ней пришлось бы до конца. До победного.

Заполненные анкеты лежали перед Раскатовой. У нее уже в глазах рябило. Лица, даты, цифры, объёмы бедер, талий и грудей. Дело было бы давно уже сделано, но троица никак не могла прийти к единому мнению. Если Олега полностью устраивала пластика кандидатки, то Ричард категорически отказывался делать ей лицо. Он тут же заявлял, что не видит в девушке той индивидуальности, на которой можно было бы сыграть. Когда Носков эту индивидуальность находил, возмущалась Раскатова. Ее не устраивали анкетные данные. Нарвавшись на неприятность один раз, она не хотела таких

же проблем снова. Уцепившись же в какую-то анкету и получив согласие Ричарда, Евгения Львовна тут же натыкалась на критику со стороны хореографа. Олег Новлянский возмущенно обзывал претендентку коровой и заявлял, что за месяц может обучить ее только танцу маленького слоненка, но никак не лебедя. Они ругались уже третий день, а дело не двигалось. Наконец, все трое охрипли и утомились. Ричард устало взглянул через зеркало на подошедшую девушку:

– Вот эта точно никакая. Зеро. Ноль. Чистый лист, а не лицо. Индивидуальности никакой, что хошь, то и лепи из нее. Хоть вамп, хоть Мадонну. Зависит от того, для чего все это надо.

– Держится спокойно, – заметил Олег. – Все нервничают, а эта смотрит на претенденток, как будто жалеет. Снисходительно. Хороший взгляд. Именно так должна смотреть будущая королева на своих конкуренток.

– А пластика? – лениво бросил Носков.

– А что пластика? – пожал плечами Олег. – После месяца ежедневных занятий танцами и пахоты в тренажерном зале будет не хуже, чем другие. Посмотри, как руку поднимает. Не умеет. Только и надо: научить. Сколько ей лет? – неожиданно спросил он. Евгения Львовна тут же придвинула к себе пачку анкет. От каждой претендентки потребовали наклеить фотографию, якобы для последующего этапа отбора. Покопавшись в бумагах, Раскатова нашла нужный лист:

– Наталья Белова. Девятнадцать лет.

– Девятнадцать? – тут же переспросил Новлянский. – Зрело двигается. В этом возрасте в движениях девушек еще много наивности, подросткового кокетства. Это мешает воспринимать их, как красивых женщин. Эта Белова не робкая девочка. Держится свободно. Но и не шлюха. В этом что-то есть.

Раскатова стала читать дальше:

– Место рождения … Неразборчиво написано. Гм-м-м… Российская глубинка. Значит, родители далеко. Не станут нам мешать. А потом, когда она прославится, им уже не удастся все испортить. Так. Окончила курсы секретарей, бухгалтерские курсы, курсы фотомоделей. – Она громко рассмеялась: – Представляю себе, что это такое! В этом, как его? Черт-его-знайске! Ха-ха! Английский: разговорный. Ну, это понятно. Рост сто восемьдесят два. Хороший рост. Объем груди восемьдесят девять. Неплохо. Объем бедер восемьдесят восемь. Совсем неплохо. Талия шестьдесят три. Много.

– Похудеет, – уверенно сказал Олег. – Минус два-три сантиметра – и будет идеальная фигура. Грудь подтянуть и укрепить специальными упражнениями, бедра чуть увеличить за счет мышечной массы. Ноги нормальные.

– В блондинку надо красить, – задумчиво протянул Ричард. – Представительница России должна быть блондинкой. А, может, тогда и проявится ее индивидуальность? Как там ее зовут?

– Белова. – Евгения Львовна еще раз заглянула в анкету. –

Наталья Белова.

– А что? Неплохо. Очень неплохо. «Титул Миска России такого-то года завоевала уроженка города Черт-его-знайска Наталья Белова!»

– Уберись Носков со своими шуточками, – оборвала его Раскатова. – Имя, кстати, короткое, звучное и легко выговаривается иностранцами. Только твердые буквы, хорошие, никаких «ы», «щу», «ща». Ну что, берем? – наконец решилась она.

Носков и Новлянский переглянулись. «Неужели все?» И оба согласно кивнул. Евгения Львовна вздохнула с облегчением:

– Все, мальчики, закрываем эту лавочку. Время поджимает, а нам еще работать, работать и работать. Девочку надо позвать сюда и побеседовать. Если дура откровенная, придется отбирать их тех, кто был вчера и позавчера. У меня сил уже нет. Но, думаю, что она умненькая. Что-то в ее лице внушает мне доверие. Такой шанс у девчонки! Как думаете, оценит?

– Эта оценит, – уверенно ответил Носков, глядя через стекло на будущую королеву. И сам удивился, отчего вдруг сердечко так екнуло, когда Раскатова уверенно отложила в сторону анкету Натальи Беловой.

Она устала. Очень. Это была уже шестая попытка устроиться на работу. Эйфория от приезда в столицу давно про-

шла. Тетя о приезде племянницы ничего не знала, и была потрясена этим, а еще больше подружкой. Две незваных гостьи! В однокомнатной квартирке с трудом размещалась собственная семья! Жили вчетвером: хозяйка, ее муж и два сына. Да еще многочисленные родственники из провинции облюбовали квартиру в качестве перевалочной базы. По углам – сумки, тряпки какие-то, коробки с обувью. «Ой, мы туточки вещи оставим!». Как будто здесь камера хранения! Племянницу Людмила Васильевна припоминала с трудом, и готова была на время с ней смириться, но ее подружку невзлюбила сразу же. Когда обе нашли, наконец, комнату, и решили съехать, вздохнула с облегчением. А на прощанье даже поскандалила, заявила девчонкам, что Москва не резиновая, своих хватает, и провинциальным красавицам здесь делать нечего.

– Вы что думаете, здесь на колу блины висят? Эх, вы, дурочки! Это в провинции кажется, что москвичи деньги лопатой гребут! Жизнь здесь тяжелая, нервная. Я бы с удовольствием уехала куда-нибудь в глубинку. Хоть бы и на родину, к сестре.

– Чего же не едите? – не выдержала Наташа. Все жалуются, что в Москве жизнь тяжелая, но уезжать отсюда никто не собирается! – Врете вы все, – добавила она.

– А ты язык-то прикуси, – разозлилась тетка. – Я посмотрю, как ты через месяц – другой запоешь. Когда нахлебаешься.

– К вам плакаться не приду, – гордо заявила Наташа.

– Ну и, слава богу! Без вас проблем хватает!

Комнату девушки сняли у сухонькой, наполовину глухой старушки. Узкая, похожая на пенал, с окошком – бойницей. Через это окошко подруги смотрели на бурлящую Москву с тоской. Казалось, что сидят взаперти в заколдованном замке две принцессы, и ждут всадников на белых лошадях, которые их вызволят. А те не торопятся. Придется самим. А как, если работу никто не предлагает? Камень преткновения – регистрация. Без нее разве что на Тверскую с охотой возьмут. Подружки почти уже отчаялись. Наконец товарка квартирной хозяйки посоветовала им пойти в кадровое агентство.

– Вон вы, какие обе ладные! Не белоручки, не лежебоки, – она оглядела девушек с ног до головы, удовлетворенно кивнула и дала адрес. В кадровом агентстве управляющей работала ее дочь, которая и обещала помочь с трудоустройством.

Так девушки стали ездить на собеседования. И сразу же попали в разные группы: одна замужем, другая нет, одной девятнадцать, а другой двадцать пять, одна окончила институт, а другая только школу и курсы. Не в силах расстаться, они ездили по собеседованиям друг с другом. Вдвоем не так страшно. Шли в хвосте группы, переглядывались, хихикали. Смешно: стайка хорошеньких, нарядно одетых девушек тянется за дамой с надменным лицом. Гусыня и питомицы, которые только и ждут момента, чтобы расправить крылья. И улететь! Дамы всегда были разными, но внешне похожи

друг на друга, как две капли воды. Да и девушки тоже. Наташа и Вика всегда шли последними. Сначала им, действительно, было весело. После первых неудач они верили в то, что неудачи эти временные. Рано или поздно на их улицу придет праздник.

Наташа и Вика были друг за друга горой, остальные же претендентки постоянно сплетничали, злословили и строили козни. Когда кому-то доставался приз в виде работы, первым делом начинали поздравлять:

– Ой, ну надо же! Ясно было, что тебя выберут! Начальник вредный, но, ничего. И работы много. И зарплата не очень. И график неудобный. Контора вот-вот развалится. А жена начальника, говорят, просто стерва. Но, поздравляем. Успехов тебе.

Подруги же никогда не ссорились. Замужняя была старше и мудрее. Давала девятнадцатилетней дельные советы, и, в конце концов, та оказалась именно ей обязана своим счастьем. Но это было потом, уже после того, как почти отчаялись обе. Время шло, деньги заканчивались. Сразу по приезде в Москву подружки «сложились» наличными и одеждой, таким образом, увеличив свои шансы вдвое. В этот вечер они разбирали наряды, готовясь к очередному собеседованию Наташи.

– Надо попробовать так, – сказала, наконец, Вика, доставая строгое темное платье. – Ты уверена в своем выборе?

– Если бы у меня был выбор! Готова сейчас на все! Ну

что, мы договорились? Махнемся?

– Не глядя, – согласилась Вика. – Может, дело-то выгорит? Если мне повезет, я помогу тебе. Если повезет тебе, то ты мне поможешь? Идет?

– Спрашиваешь! Знаешь, как я к тебе отношусь?

– Как? – лукаво спросила Вика.

– Вот как, – Наташа крепко обняла ее и прижала к себе. – Вместе на всю жизнь!

А через день Наташа и Вика пошли на собеседование в солидную фирму. Накануне Вике здорово повезло. Ох, как ей нужна была эта работа! Редкий случай: там требовалась на должность личного секретаря замужняя женщина и обязательно с ребенком. У начальника была ревнивая жена. Просто мегера. Дама почему-то была уверена, что кормящий супруг на шашни с молодой замужней мамочкой не способен. Жена бизнесмена лично присутствовала на собеседовании и выбрала именно Вику, одетую в Наташино платье с глухим воротом. Плюс строгая прическа: волосы стянуты в пучок и заколоты шпильками. Блистая свежестью, красотой и роскошной грудью в глубоком декольте, дама снисходительно осмотрела Вику и решила: пойдет!

Теперь бы Наташу пристроить. Поэтому Вика сама занялась ее прической, пошла с ней в офис и беспрестанно давала теперь советы:

– Не забывай, что тебе девятнадцать. Что это за взгляд?

Очнись! Ты что, старуха?

– Я устала.

– Подбородок выше. Спину ровнее. Меня так учили.

– Я хочу уйти. Я хочу вернуться домой.

– Куда? Сиди! Успеешь. Если вернешься ты, то вернусь и я. Сама знаешь. Вместе, так вместе. Подумай, что от тебя зависит теперь и мое счастье. Ну, подумала?

Наташа сдалась. Два часа здесь сидят, а еще никого на собеседование не пригласили! Чего они тянут? Она подошла к зеркалу, нехотя поправила прическу. Надо уходить. С самого начала было понятно, что номер пустой. Большая зарплата, обеды за счет фирмы, оплачиваемый отпуск. Сказочные условия. Так не бывает. Не бы…

– Белова!

Она вздрогнула.

– Наталья Белова! – еще раз выкрикнула появившаяся в дверях дама, которая привела подружек на собеседование. И тут голос ее стал сладким, как патока. Почти приторным: – Наташенька, пройдите, пожалуйста, в кабинет, там с вами будут говорить.

– Но сейчас не моя очередь, – удивилась Наташа. Первой всегда звали яркую блондинку с фамилией на букву «А». Блондинка и сейчас встрепенулась и думает, что произошла какая-то ошибка.

– Остальные могут быть свободны, – сухо сказала дама. Девушки переглянулись и посмотрели на Наташу с неприяз-

нью. Потом потянулись к выходу.

– Вот видишь, я же тебе говорила, – тут же подскочила к подруге Вика. – Смотри, не сболтни чего-нибудь лишнего. Все помнишь?

– Да. Все. А вдруг…

– Никаких вдруг, – оборвала Вика, – Лишнего не спросят. На машинке ты строчишь, как пулемет. По-английски что-нибудь, да скажешь. Ты ж в секретари нанимаешься! Не в министры! Все, иди. Удачи.

Вика легонько подтолкнула ее в спину. Вошла. За столом, в кабинете трое. Двое мужчин, но оба какие-то не такие, не солидные. Не такими она представляла себе директоров фирм. И рассматривают ее весьма откровенно. Краска в лицо бросилась от таких взглядов. Она невольно попятилась.

– Стоять! – весело скомандовал тот, что постарше.

Она вспыхнула и перевела взгляд на молодого смазливого брюнета. Коротко стриженные вьющиеся волосы, блестящие карие глаза. Похож на… Морского котика! Обтекаемый, мокрый, блестящий и … Инфантильный. Глаза глупые, и вместо мозгов – сплошные рефлексы.

Второй Наташе понравился больше. Широкие плечи, мужественное лицо, волевой подбородок. Не мальчик, но муж. Так она и подумала и еще больше потерялась. У нее было плохое предчувствие. Парень опасен, у него умный пронзительный взгляд. Она подняла глаза, клинки скрестились, проскочила искра. Он усмехнулся и одобрительно кивнул.

Но главные не они, это и ежу понятно. Главная – холеная дама, на пальцах которой сверкают многочисленные кольца, а на запястьях позвякивают браслеты. Крашена в пепельную блондинку. Как натуральная, только все равно не пепельная блондинка. Ничего натурального в даме нет вообще, даже ее худоба похожа на рекламный трюк. Это же надо так себя довести! Наташа испугалась первым делом «искусственную» даму. Анкета у нее, и оба мужика на даму косятся. Естественно, что та первая и заговорила:

– Присаживайтесь, Наташа.

– Сюда, или к компьютеру? – робко спросила она.

– Нет, к компьютеру не надо. Мы хотим просто с вами побеседовать. Значит, вам девятнадцать лет.

Она всегда переживала за то, что выглядит так молодо. Ну, совсем, как девчонка! После школы все изменились, а она нет. Надо было переменить прическу.

– Откуда вы к нам приехали?

– Из…

– Впрочем, это не важно, – тут же оборвала дама. – Вы, Наташенька, имеете исключительный шанс. Такая удача выпадает единицам, и вы должны это понять и оценить. Из бедной Золушки мы собираемся сделать сказочную принцессу.

– Но я ничего не умею, – сразу испугалась Наташа. Еще подумают не то. Зачем написала в анкете «английский разговорный»? И сантиметр в талии убавила. А в груди прибавила. Сейчас померят и…

– Вам надо уметь только одно: слушаться и делать то, что вам говорят.

– Надеюсь, вы меня вербуете не для того, чтобы развлекать своих гостей? Что вы подразумеваете, говоря исключительный шанс? Занятие проституцией?

Тот, что постарше удивленно приподнял брови. И хмыкнул. Ох, как же он ей нравится! Ирония во взгляде и жало на кончике языка, которое он до поры до времени прячет, а потом разражается язвительным:

– Да у нас хорошо развита устная речь! Аплодисменты даме! Девушка, вы меня сразили. Я ваш навеки. Эжени, хватит держать красавицу в неведении.

Дама посмотрела на него с неприязнью и сказала, обращаясь к Наташе:

– Меня зовут Евгения Львовна. Я владелица модельного агентства…

– Я не совсем уверена, что школа моделей в моем родном городе похожа на…

– И, слава богу! Мне нужна именно ваша не испорченность. И мне, и, вот ему, – дама кивнула на широкоплечего мужчину с умными глазами.

– Да, – сразу согласился тот. – Вы, некоторым образом, чистый лист. Доверьтесь мне, и я подведу к вашим ногам миллионы. Уроню их и… Вам останется только шагать по этим эмоциональным трупам своими хорошенькими ножками, и позволять нам идти сзади и обчищать их карманы.

– Носков, заткнись! – не выдержала Раскатова. – Талантливый парень, но иногда он меня бесит. Мелет всякую чушь. Познакомьтесь, кстати. Ричард Носков. Стилист.

– Вообще-то я все. Агентство большое, должностей много, а денег мало, – хмыкнул Носков. – В общем, я буду лепить ваш образ. Только, умоляю, не зовите меня Ричардом. Самому противно.

– Как же вас называть?

– Дик. Сокращённо от Ричарда. Можно еще Рикки, но это как кличка мангуста из книжки Киплинга. Рикки-Тикки-Тави. А я не животное. В отличие от него, – он кивнул на брюнета.

– Носочкин, кончай трепаться, – разозлился тот. – Что касается меня, то с этого дня я твой хореограф. И тренер. В общем, будем учиться двигаться.

– В каком направлении? – тут же подмигнул Носков. – Кстати, Олег Новлянский. Он забыл представиться. У него вообще память девичья.

Брюнет побагровел:

– Носков!

– Вот и познакомились, – властно оборвала перепалку Евгения Львовна. – Если вы еще не поняли, Наташа, то вы будете участвовать в конкурсе на звание Первой Красавицы России. И уже этого года. Вы должны его выиграть, потому что потом будет Европа. А вообще, вас ждет мировая слава. Если будете умницей.

– Но я никакая не красавица, – опять испугалась она.

– В этом ваше счастье, – подмигнул Дик. – Красавицы слишком примитивны и закованы в свою красоту, как в броню. К ним не подберешься. А вы – просто симпатичная девушка, к тому же умненькая. Это я уж понял. Вот увидите, что я сделаю с вашей внешностью, когда вы мне отдадитесь!

Она хотела ответить так же язвительно и с намеком, но сдержалась. Потом. Пусть делают, что хотят, только сначала скажут, где и на что она будет жить. Надо продержаться в Москве какое-то время, а потом что-нибудь да подвернется. Ни в какие королевские титулы Наташа не верила, она просто знала, почему не может их завоевать. Это не ее, и все. Но жить на что-то надо. А, главное, продержаться, пока у подруги все не устроится. Вся надежда на Вику. Придется тянуть время. И язык свой придержать.

– Я сделаю все, что вы хотите, – покорно сказала Наташа, стараясь никому из троих не смотреть в глаза.

– Вот и отлично. Я в этом не сомневалась, – тут же сказала Раскатова и посмотрела на девушку, как на добытый во время охоты трофей. Можно приниматься за изготовление чучела. – Сегодня же и начнем. Где ваши вещи?

– Зачем же вещи? – удивилась Наташа. – Я снимаю комнату вместе с подругой.

– Девушка, с сегодняшнего дня вы будете жить у меня, – отчеканила Евгения Львовна. – До регионального конкурса, а там посмотрим. Вашей предшественнице я дала опре-

деленную свободу, а теперь пожинаю плоды. Подпиши контракт, и поедем за твоими вещами.

Это было сказано так категорично, что Наташа не выдержала. Извинившись, она выглянула в коридор и позвала:

– Вика! Викуля, подойди.

– Что? Взяли? – обрадовалась подруга.

– Они хотят, чтобы я переехала. Вербуют на какой-то конкурс красоты. Полный бред. Отказаться? Лучше я домой уеду.

– Ты с ума сошла! Не вздумай отказаться! Потерпи несколько месяцев, войди в мое положение! Я с завтрашнего дня выхожу на работу, через месяц зарплата. Я справлюсь. А ты ничего не бойся. Не запрут же они тебя в четырех стенах. Будем встречаться. Соглашайся, Наташенька. Ну, ради меня! Мы же друг другу обещали! – она бросила на подругу умоляющий взгляд.

Наташа кивнула и исчезла за дверью. Через несколько минут все формальности были улажены, и все они покинули кабинет. Евгения Львовна вдруг вспомнила, что должна расплатиться с агентством, приславшим Наташу, и зашла в другую дверь. Олег Новлянский достал мобильник и отошел в сторонку, чтобы кому-то позвонить. Вика сидела в уголке и всем своим видом давала понять, что не собирается мешать подруге. Наташа осталась наедине с Диком, и заняла круговую оборону. Этот человек заставлял ее мобилизовать все свои силы. Так и есть, сразу начал доставать:

– Послушай, прелестное создание. У меня есть дурная привычка…

– И не одна, – тут же кольнула она.

– Я сразу заметил, что ты с зубами, – кивнул он одобрительно. – Так вот, о моих многочисленных дурных привычках мы поговорим как-нибудь потом…

– Это когда я тебе отдамся? – невинно спросила она.

– Запомнила? Молодец! Но и об этом после. Черт, никак до сути не доберусь. Короче, имя у тебя очень уж безликое. Наталья Белова. Что это такое? Для анкеты хорошо, но в целом – это ничто. Не выражает твою индивидуальность.

– Зато тебе в смысле индивидуальности здорово досталось. Постарались родители. Это же надо: Ричард Носков!

– Ты будешь смеяться громче, если узнаешь, что я еще и Эдуардович.

– Что? – Наташа, действительно, не выдержала и рассмеялась. Ричард Эдуардович Носков! С ума сойти!

– Все равно кто-нибудь, да скажет. Прикалываются надо мной. А все дело в том, что «мазер» была помешана на рыцарских романах. Ричард Львиное Сердце, или героический Дик из романа Стивенсона «Черная стрела». Последний вариант, в смысле Дика, я, скрипя зубами, принял. А звали мою «мазер», между прочим, Анжелика Носкова. А «фазер», соответственно, Эдуард Носков.

– С ума сойти! – уже вслух сказала Наташа.

– Мог я при таком раскладе родиться нормальным чело-

веком, сама посуди? Есть семейка Адамсов, а моя была семейкой англизированных Носковых. Отец всю жизнь преподавал английский язык. А мать… Впрочем, это не важно. От обиды на судьбу – злодейку я и всем остальным даю прозвища на свой вкус. Обычно они приживаются.

– Эжени – это Евгения Львовна, – сообразила Наташа.

– Молодец. Олега я называю Алексом. Большего он не стоит. Таньку Петухову звал Танцурой. Вертлявая деваха. Двигается похабно, когда себя не контролирует. Тебя буду звать Нэт. Нет, не то. Убого. Нэтти.

– Почему? – удивилась она.

– Сам не знаю. Почему-то именно так я тебя вижу. Нэтти. Блондинка с копной вьющихся волос. Тебе красное должно пойти.

– Никогда не носила, – поморщилась Наташа. – Ярко.

– Для Наташи Беловой ярко, согласен. Для Нэтти – самый смак. Ну что, договорились? Смотри, мои прозвища прилипают!

– Поняла, – она усмехнулась. – Сначала прозвища, потом ты. У меня тоже есть вредная привычка. Думаю, скоро ты о ней узнаешь.

– Не понял, – внимательно посмотрел на нее Дик. – А ты не проста. Ладно, мадам возвращается. Потом разберемся.

Но первым подошел Олег, закончивший, наконец, нежное воркование по мобильному телефону. Соединил их взглядом и спросил:

– Треплетесь? Похоже, что нашли общий язык?

– А ты ревнуешь? – подмигнул Дик.

– Было бы к кому, – пожал плечами Новлянский. – Ты, Носочкин, придворный шут. Только то.

– Зато ты – придворный паж.

Наташа рассмеялась. Паж. А что? Похож. Нежный мальчик. Ах, как у нас блестят зубки! И глазки! И сами мы эти зубки безумно любим! А как мы любим свои глазки! Что ж, мальчика ждет сюрприз! Евгения Львовна наконец-то рассталась с респектабельным господином и подошла к ним. Она уже не кажется такой страшной. Эжени. Ох уж этот Дик!

– Ну что, Нэтти, поехали? – спросил он.

– Как? Как? – встрепенулись Олег и Евгения Львовна. Алекс и Эжени. – Опят за свое, Носков? – осуждающе покачала головой хозяйка модельного агентства.

Но, когда Наташа замешкалась у машины, мягко ее подтолкнула:

– Ну, что же ты, Нэтти? Садись.

И Наташа Белова поняла, что по-другому ее отныне будет звать разве что подруга Вика.

Вика тоже вышла из офиса. Подруга садилась в роскошную иномарку, причем, на переднее сиденье. Один из мужчин, очень, между прочим, интересный, даже открыл перед Наташей дверцу. Ничего себе! Как с принцессой обращаются! Мужчины полезли назад, за руль же села элегантная да-

ма. Машина уехала. Но завидовать подруге Вика не стала. У каждого своя судьба. Ей Вике, тоже повезет. Непременно. И неизвестно еще, кому больше, Наташе или ей. Она была девушкой тихой, но упрямой. Из тех, что на рожон не лезут, но своего всегда добиваются. Главное – верить. Идти к вершине, к своей цели. Никогда не смотреть вниз. Только вперед. Еще месяц назад у скромной провинциалки не было никакой цели. Она в любой момент готова была вернуться обратно в родной город, чтобы покаяться родным и зализать раны. Но теперь все изменилось. Ни о каком возврате речи и быть не может. И пусть Наташа сегодня же съедет с квартиры. С этого дня Вике совсем не нужны свидетели…

…Нэтти стояла у окна, в маленькой комнатке и все никак не решалась достать из-под кровати свой чемодан. Ах, подружка, подружка! Что ж ты, подружка, наделала! Под окном волшебный конь ждет свою принцессу. Машина французского производства, которая называется «Рено». Так сказал Дик. Все правильно: «Рено» – Эжени. Его прозвища к людям прилипают. Интересно, на чем разъезжает по городу сам Дик? А Алекс?

Нэтти не хотелось отсюда уходить. У нее было плохое предчувствие. Сердце тревожно билось. Вдруг за дверью раздались шаги. Секунда – и она распахнулась.

– Что ж ты стоишь? Какие вещи твои? – Дик распахнул старенький шкаф. Платья ее и Вики. Один размер, похожие

фасоны. Все с местного рынка. Черт-его-знайск, где ты? За этот месяц Нэтти позабыла, что же принадлежит ей, а что подруге.

– Посмотри сам, что из всего этого я могу носить, – безразлично сказала она.

Дик пожал плечами, быстро «пролистал» тряпки:

– Рынок, рынок, рынок… Слушай, а ну его к черту? А? Тебе очень дороги все эти шмотки? Как память?

– Нет. Не дороги.

– Некоторые Танькины наряды еще висят в ее шкафу. Что, человечество? Посмеемся, прощаясь со своим примитивным прошлым?

Он решительно распахнул окно и выбросил из него платье. То самое, с глухим воротом. Оно, кружась, полетело по воздуху. Нэтти опомнилась:

– С ума сошел?! У меня же подруга есть! Она-то в чем будет ходить?!

– Голой! Все будем ходить голыми! Обожаю швырять из окна старые тряпки!

Нэтти поспешно закрыла окно, сгребла со стола косметику. Тоска прошла. Чучело зимы сожгли впервые за многие годы. Она отныне свободна. Вперед – в новую жизнь!

– Пошли, что ли? – улыбаясь, спросил он.

Ключ она оставила хозяйке, вежливо с ней попрощавшись. А, выйдя из подъезда, нарочно наступила на мокрую тряпку, бывшее платье. И полезла в сверкающую машину.

И к трону почти привела

Сначала Нэтти подумала, что попала в рай. В огромной квартире Эжени пахло тропиками. И здесь было жарко. В райских кущах мадам Раскатовой, на паркете медового цвета росли на изогнутых ножках редкостные диваны и стулья. Козетки, банкетки, буфеты. И даже рояль. Все антикварное. Огромное солнце хрустальной люстры висело в зале. Яркие звезды изысканных бра расположились по стенам. И за этим роскошным садом присматривал самый главный ангел – горничная Дашенька.

Нэтти на ее месте побоялась бы даже дотронуться до любого из этих предметов, на вид таких хрупких. Она и обходила поначалу их стороной, особенно боясь наступить на ковер в зале. Собственный домик на окраине родного городка казался ей теперь темным чуланом где-то на задворках цивилизации. Куда не приникает и луч света. Вот как надо жить! Как Раскатова!

Сама Евгения Львовна о существовании других условий жизни даже и не подозревала. Круг ее общения был узок, и в ее доме никогда не произносились такие фразы: «задержка зарплаты», «дотянуть до получки» и «купила два кило печенки, может, на неделю удастся растянуть». Зато Нэтти помнила их прекрасно! Она не поняла только, почему при таком достатке в доме нет мужчины. Дик и Алекс не в

счет. Неудобно было расспрашивать хозяйку о личной жизни, тем более что та щедро распахнула для нового приобретения двери своей гардеробной. Правда, вещи хозяйки Нэтти были малы и коротки, рост Евгении Львовны был не больше ста шестидесяти сантиметров. Но смотрелась Раскатова все равно элегантно, и даже казалась выше ростом. Общаясь с людьми высокими, никогда не задирала голову, напротив, они вынуждены были нагнуться. И одевалась так, что Нэтти несколько раз чуть не назвала ее Эжени. Настоящая француженка! Возраст хозяйки не определялся вообще. Ей могло быть и чуть за тридцать, и около пятидесяти. А спросить Нэтти, естественно, стеснялась.

Горничная Дашенька в доме не жила. Она приходила утром, уходила вечером, и кроме заботы о чистоте в квартире занималась еще и диетой Евгении Львовны. То есть, ходила по магазинам и рынкам, определяя, какие продукты содержат настолько мало калорий, чтобы за свою фигуру хозяйка могла не опасаться. Вообще, слово «диета» было самым употребляемым в этом доме. Нэтти иногда даже казалось, что эта диета живет в квартире, как член семьи, и осмеливается диктовать всем свои условия. Маленькое, страшно худое и злобное существо, похожее на комнатную собачку. Любимица хозяйки и мерзкая тварь для ее гостей. Только и слышно было: «этого тебе не позволяет диета», или «думай о диете, а не о пирожных» и «берегись, помни о диете!».

Нэтти никогда не считала, что ей нужно следить тем, что

она ест и постоянно подсчитывать калории. С десятого класса она держалась в одном весе, ничуть об этом не заботясь. Да и Евгения Львовна, кажется, сублимировалась настолько, что не могла съесть много сладкого и жирного, даже если бы сильно этого захотела. Ее желудок давно усох, затянулся в узелок, и мог пропустить в свое узкое горлышко только маленький комочек пищи. Но каждое утро начиналось со взвешивания самой Раскатовой и ее воспитанницы, и обязательного измерения обеих сантиметром. Надо было сделать талию Нэтти на два сантиметра меньше. А в идеале на три. Об этих сантиметрах непременно шла речь за завтраком. В кофе Евгения Львовна клала заменитель сахара, икру мазала на хлебец, через который Москву было видно! Глядя, как хозяйка набрасывается на тренажер, Нэтти начинала подозревать ее в мазохизме.

Наконец, Нэтти поняла, что никакой мужчина не выдержал бы жизни в этом доме. Только такой же свихнувшийся на диете маньяк, как сама Раскатова. Но представить себе мужика, сыплющего в кофе безвкусный порошок и жующего вместо сочного куска мяса капустный листик, Нэтти не могла. И на что он, спрашивается, после этого годен? Когда дело дойдет до спальни? Торшером в углу стоять? Нэтти поделилась этими мыслями с Диком, и тот долго хохотал. Потом перестал смеяться и сказал вполне серьезно:

– Знаешь, подруга, ты права. Там никто не выживет. И давно не пытался.

Она была удовлетворена. Раскатовой никто не нужен, она вполне довольна собой. Это понятно. Что же касается Дика… Он не любовник Евгении Львовны и никогда им не был. Это главное. Нэтти хотела его для себя.

Он нравился ей все больше и больше. В отличие от Новлянского, который откровенно раздражал, потому что кокетничал, как женщина. Приходил на репетиции в трико, демонстрировал свои мускулы, читай прелести и по-женски стройные ноги. Ей же в это время приходилось много работать и терпеть. А тут еще заигрывания личного тренера! Правильно сказал Дик: вместо мозгов сплошные рефлексы!

Она боролась за свою талию. Не по собственной инициативе, а потому, что так было надо. Ее же собственная внешность всегда устраивала. Нэтти никогда не считала себя красавицей, потому что она была девушкой умненькой и знала за собой другие достоинства. В ее лице не было ничего запоминающегося. Чистый лист, как сказал Дик. Они с Олегом поделили Нэтти пополам. Дику досталось лицо Нэтти и сам образ ее, а Олегу – тело. Ему предстояло лепить фигуру красавицы. Причём Носков якобы в шутку долго возмущался, почему это не ему досталась лучшая часть.

Она промолчала. Ему ведь досталось больше: ее сердце. Никогда Новлянский не получит того, что Дик. Никогда Нэтти не скажет Алексу правду. И Дику скажет. Надо только выждать какое-то время…

Дик же взялся за нее всерьез. Он проигнорировал все возражения Нэтти, и заявил, что лучше знает, как будет хорошо, а как плохо. Первое, что из нее надо сделать – это блондинку. К тому время из сплетен, которыми было полно агентство, Нэтти о нем уже многое знала. В позапрошлом году Носкову стукнуло тридцать, он был и парикмахером, и портным, ходили слухи, что в его доме даже хранятся вещи, вязаные крючком. Носков умел и причесывать и гримировать, и создавать имидж, и подбирать костюмы, и все вышеперечисленное за одну зарплату. Раскатова была скупа, приходилось прихватывать на стороне. На работу он приходил во второй половине дня, иногда не приходил вовсе, и тогда Раскатова бесилась и грозила его уволить. Но не увольняла, скрепя сердце, принималась за работу сама. Клиенток у Ричарда хватало, и платили они хорошо. Женщины отмечали невероятное чутье Носкова. Он придавал им индивидуальность. И дамы терпели просто-таки потоки злословия, которые омывали их, когда Ричард работал. Носков называл это вдохновением. Когда ловил его, то болтал беспрерывно. К своим богатым клиенткам он часто испытывал неприязнь. Про себя, а иногда и вслух называл их дурами и коровами. Но добросовестно делал из «дур» и «коров» красавиц и светских львиц. За что его и ценили.

Совсем по-другому было с Нэтти. Она не была дурой. Дик подозревал, что в Нэтти кроются многие таланты. Он чувствовал в девушке загадку. И радовался, что в его умелые

руки попал бесценный материал. А как же ему хотелось ее загадку раскрыть! Но Нэтти только таинственно улыбалась.

Пока Ричард Носков бился над загадкой Нэтти, он делал из нее обворожительную женщину. Над волосами колдовал почти весь день. Она устала, просила перерыва, даже назвала его Ричардом, но тщетно. К вечеру стилист добился того, чего хотел. Пышная золотистая копна чуть вьющихся волос упала ей на плечи. Раскатова, наконец, решилась подойти, взглянула на Нэтти через зеркало, спросила:

– Ты уверен?

– На все сто. Видишь, как проявилась, наконец, ее индивидуальность? Скулы-то чуть-чуть косые. Самую капельку, и в шатенке этого не разглядеть. А глаза, как у кошки. Хотя и голубые. В роду у девочки, определенно, были монголо-татары. Именно при таком цвете волос косые скулы становятся пикантным очарованием. Хорошо бы разрез глаз немного исправить. Это уже к пластическому хирургу, но до регионального конкурса не успеем.

– К какому хирургу? – испугалась Нэтти. – Я никогда не делала никаких операций!

– Успокойся ты, – тронул ее за плечо Дик. – Все великие актрисы *это* делали. И фотомодели. Думаешь, родились такими? Нет в природе совершенства! А ты даже ничего не почувствуешь. Мы еще немного поколдуем над окончательным рисунком твоего лица, и тогда уже сделаем небольшую пластическую операцию. Совсем крохотную. А сейчас я попро-

бую легкий макияж. Сильно гримировать не буду, а просто определю твои цвета. Момент.

Он достал кипу разноцветных платочков, скрепленных друг с другом. Приложил к ее шее Нэтти и стал «листать», бормоча:

– Не то, не то… Все-таки, твои цвета теплые.

– Не поздно? Не пора закрываться, а? – спросила Раскатова.

– Десять минут. Потом все поедем ужинать с новой красавицей. Отпразднуем второе рождение.

– Носков, ты забыл, что я на диете? И Нэтти тоже, – напомнила Евгения Львовна.

– Не надо портить девочке характер. Она не обжора, как Танька Петухова. Это сразу видно. Нэтти, у тебя есть сила воли?

– Смотря, о чем идет речь, – ответила она.

Когда он до нее дотрагивался, сил сопротивляться не было. Теперь Нэтти стал понятен смысл слова «отдаться» в его устах. Еле заметно касаясь ее, Дик создавал такую иллюзию полной физической близости, что это было посильнее самых страстных поцелуев и объятий. Нэтти даже чувствовала покалывающие все тело иголочки. Волна подхватывает, мягко покачивает, потом поднимает все выше и выше… Полная расслабленность и ожидание того, что вот сейчас-то и произойдет самое прекрасное…

– Ну, вот и все.

– Все? – разочарованно спросила она.

– На сегодня.

Нэтти послышалось в его словах обещание. Возможен роман между будущей Королевой Красоты и ее стилистом? Только тайный! Она вдруг сообразила, что пока Дик работал, он все время молчал. Это было на него не похоже.

– В зеркало-то посмотри, – услышала она.

Да, это было совсем другое лицо. Уже не ее, хотя и очень красивое. Незнакомая блондинка с голубыми глазами, светлыми кудрями и величественным ртом. Дик положил ей на плечи руки и нагнулся к зеркалу. Не отрываясь, смотрел на ее отражение. Она чувствовала запах его одеколона и как макушки касается его подбородок. Оба почти не дышали.

Ей показалось, что руки его теплеют. Его дыхание сделалось хриплым. Еще минута и, можно броситься друг другу в объятья, почувствовать, наконец, вкус его губ.

– Ну что, подруга? – он как-то искусственно засмеялся. И снял руки с ее плеч. – Тебе нравится?

– Ты-то сам что думаешь?

– Я начинаю чувствовать себя Пигмалионом. Нет, идиотом. Ты по-прежнему ты, а я по-прежнему я. Мир не изменился. И, вообще, гримерная – не место для откровений.

– Ты любил когда-нибудь? – спросила Нэтти.

– Ну, со мной это случалось, – осторожно ответил он. – Смотря, что ты понимаешь под словом любовь. Мне жутко хочется спросить тебя об одной вещи. Впрочем, я и сам дол-

жен был догадаться…

– Ты хочешь спросить, были ли у меня…

– Ну, ты идешь, что ли, Носочкин? – В гримерку заглянул Алекс.

Подошел, с интересом взглянул на эффектную блондинку, присвистнул:

– Слушай, Нэтти, ты, что ли? – и с чувством добавил: – С ума сойти! Знаешь, Носков, когда я задумаю жениться на страшной, как смерть и глупой, но очень богатой телке, я для начала пришлю ее к тебе. Ты специалист по превращению лягушек в принцесс. Сделаешь моей невесте точно такое же лицо.

– А мозги кто ей сделает? Твои для пересадки не годятся. На одного хватает с трудом…

– Ты что, намекаешь на то, что я тупой? Слушай, Носочкин…

– Проехали. Айда в кабак. Раскатова платит.

На улице Нэтти сразу почувствовала, как изменилось отношение к ней окружающих. Особенно мужчин. Те теперь провожали ее жадными взглядами. Дик с довольным видом улыбался. Евгения Львовна же выглядела озабоченной. Ведь они ехали в ресторан! К этому мероприятию Эжени относилась со всей ответственностью и непременно брала с собой диету. Но очень уж хотелось Раскатовой посмотреть на новую Нэтти в движении и реакцию на нее людей.

Нэтти решила ехать с Диком, в его машине, чтобы продол-

жить разговор, который был так интересен обоим. Новлянский без церемоний полез в «Рено» Эжени. Машину Носкова Нэтти еще не видела. Старый «Форд» немного ее удивил. Огромный, низкой посадки, вороного цвета, а по крупу пятна свежей краски. Сходство с боевым конем подчеркнул и сам Дик, похлопав «Форд» по капоту:

– Тпру. Стоять, мой красавец, стоять. Сегодня ты повезешь не смазливого идиота Новлянского, а милую девушку Нэтти. Ты должен радоваться, старик. Вам непременно надо познакомиться.

– Как его зовут? – кивнула Нэтти на «Форд».

– Росинант, – усмехнулся Дик.

– Ты опять напутал. Так звали лошадь Дон Кихота. А ты Ричард.

– Я просто не помню, как звали лошадь Ланселота. У меня проблема с рыцарскими романами: терпеть их не могу.

– Причем здесь Ланселот?

– Когда я думаю о своем дурацком имени, меня утешает только одно. Я становлюсь безумно счастлив при одной только мысли, что меня не назвали Ланселотом. У мамы, кстати, была такая идея. Садись в машину.

«Рено» уже отъезжала. Алекс опустил стекло, крикнул:

– Чего тянете?

Уже в машине ей стала вдруг тоскливо. Общаться расхотелось. Она ведь не могла рассказать ему все. Правду, которая Дику наверняка не понравится. Станет ли он ее союзни-

ком или врагом? Пока еще Нэтти не могла за него поручиться. Время покажет. А под ложечкой сосало. Ей было тревожно. Нэтти решила завтра совершить сразу два решительных поступка: вырваться на встречу к Вике и послать маленькое письмецо домой. Одну весточку она туда уже отправила, хорошо было бы еще добыть денег. Нэтти кормили, одевали, учили, но наличных не выделяли ни копейки. Она понимала, что за всем этим стоит страх Евгении Львовны, которая не могла допустить, чтобы девушка вырвалась на свободу, и, не дай Бог, не пошла бы по пути Татьяны Петуховой. Когда Раскатовой не было дома, Нэтти поручали ангелу-Дашеньке.

Остановились у шикарного ресторана. Евгения Львовна морщилась и нервно теребила сумочку. Диета что-то тявкала ей в ухо и мадам Раскатова заволновалась. Наконец она направилась к дверям. Дик кивнул Нэтти: иди следом. Они с Новлянским какое-то время смотрели ей вслед, потом переглянулись.

– Хороша, – сказал Алекс. – Обрати внимание: все на нее смотрят. Но работы еще много.

– Да, она еще не красавица, – кивнул Носков. – У нее менталитет серой мышки. Глаз не поднимает. Сутулится. И все бочком, бочком. Работы впереди еще много, ты прав. Но – хороша!

Итак, новым имиджем Нэтти все остались довольны. Сам же вечер в ресторане был безнадежно испорчен Эжени. Подозвав официанта, она первым делом заявила:

– Молодой человек, я вегетарианка. Есть у вас что-нибудь низкокалорийное и овощное?

– Может быть…

– И у меня аллергия на грибы.

– Тогда…

– И на речную рыбу. И кукурузу под любым соусом и в салатах я тоже не выношу.

Официант не удержался и посочувствовал:

– Вы тяжело больны, наверное?

– Что вы себе позволяете? Позовите управляющего! – взвилась Эжени. Дик спокойно взял у официанта меню и под столом наступил Евгении Львовне на ногу.

– Остынь, – шепотом сказал ей на ухо. И добавил что-то совсем тихо, отчего Раскатова сдулась, словно проколотый воздушный шарик, и затихла. Дик сделал заказ, о чем-то договорившись с официантом, улыбнулся Нэтти, подмигнул Новлянскому, потом, заметив кислое лицо Евгении Львовны слегка кольнул:

– Может, он прав насчет твоей тяжелой болезни, Эжени? Я догадываюсь, когда она началась.

Раскатова вздрогнула, но промолчала. «Не у меня одной в шкафу спрятан скелет», – подумала Нэтти. Дик, безусловно, имел на свою хозяйку влияние. Но есть принесенные официантом блюда Евгения Львовна все равно не стала. Вяло ковырялась в тарелке, заглядывала без конца в тарелки других, тянула носом аппетитные запахи, доносящиеся с кухни,

вздыхала и в итоге испортила всем аппетит. Если бы не Дик со своими неизменными шуточками, атмосфера за столом была бы, как на похоронах, а не на втором рождении. Музыка, впрочем, была мажорная. Неожиданно возле их столика возникло лицо кавказской национальности, которое с сильным акцентом сказало:

– Дэвушку вашу можно?

Все разом перестали жевать. Не дождавшись, пока закончится многозначительная пауза, пылкий восточный мужчина нетерпеливо повторил:

– Я спрашиваю, дэвушку вашу можно на танэц пригласить?

Новлянский с Диком переглянулись: к кому, собственно, вопрос? Кто отвечает за Нэтти? Ответила Раскатова, все с тем же кислым выражением лица:

– Она не танцует.

Мужчина посмотрел на Евгению Львовну с интересом:

– Ты ей мать?

– Что?! – Эжени швырнула на стол вилку.

– Она ей отэц, – подмигнул Дик. – Об операции по смене пола слышал, дорогой?

Мужчина попятился назад. Нэтти от приступа смеха закусила губу, Новлянский по-бабьи хихикнул, а Эжени разразилась гневной тирадой.

– Это все из-за вас, – закончила свою речь Евгения Львовна и тут же потребовала от официанта счет. Заплатив, пулей

вылетела из ресторана, не забыв напомнить Нэтти:

– Я жду тебя в машине. Поторопись.

Нэтти вспомнила, что у нее нет денег даже на метро. Конечно, можно одолжиться у Дика или у Новлянского. А куда ехать? Нет уж, милая. Назвался груздем – всей птичке пропасть. Коготок увяз – полезай в кузов. Очередная шуточка Дика. И выйдя из ресторана, она села в машину Евгении Львовны. Назад дороги нет. Пока нет.

Она уже знала, чем пахнет ад. По́том, обильным и едким потом. Сам ад выглядел красиво: зеркальные стены, балетный станок, на полу – желтые маты. Мягкий пол все время выталкивал Нэтти на поверхность, как поплавок. Она часто падала, надеясь разбиться в кровь и получить передышку, но, как в настоящем аду окончания пыток не предусматривалось. Короткий перерыв на сон, и все начиналось сначала.

Когда-то она любила физкультуру. Но то была физкультура. Существовали нормативы, не сдав на «отлично» один, можно было вытянуть хорошую четвертную оценку на другом. Теперь же надо было все параметры тела, сдать на «отлично». Нельзя вытянуть на высший бал талию и провалить грудь. В купальнике придирчивому жюри все будет видно. Тем более что Нэтти не совершенство. Самая обычная девушка высокого роста, худощавая и немного сутулая.

– Все лечится, – с уверенностью сказал Алекс. Не сказал только, *как*.

На следующий день она чуть не взвыла.

– Верх – вниз. Вверх – вниз, – командовал Новлянский. Они делали пресс. Подъем туловища. Вверх-вниз. – Еще двадцать раз. Что ты на меня уставилась? Работать!

Вечером она легла в постель, закрыла глаза и застонала. В ушах беспрерывно звучало: вверх – вниз. «Я тебя ненавижу, подруга! Ненавижу! Это ты меня во все это втравила!». Первую неделю у нее все болело. Нэтти чувствовала каждую свою мышцу, постепенно у нее переболело все: руки, ноги, спина, живот. А Новлянский только улыбался. Иногда Нэтти срывалась, кидаясь на него:

– Садист! Издеваешься, да? Удовольствие получаешь?

– Это моя работа, – важно говорил Олег.

– Ты хоть музыку включи! Это меня подбодрит.

– Рано тебе еще музыку. Мышцы слабые. Будешь смотреться, как корова на льду. Таким телом невозможно управлять. Спину не держишь, значит, пресс еще слабый. Сколько раз сегодня делала упражнение?

– Сорок.

– Мало. Слушай, чем ты в детстве занималась? Уж, конечно не спортом! Тогда чем?

– Тебя не касается, – огрызалась она.

Нэтти уже искала пути к отступлению. Она не думала, что будет так тяжело. Впереди не намечалось никакого просвета. Работа и еще раз работа. Одна боль уходила, но тут же приходила новая. Новлянский, был изобретателен, как сам

сатана. Казалось, что мучениям не будет конца.

Но однажды, завтракая вместе с Евгенией Львовной, Нэтти заметила, что спина ее уже не ищет опоры, как прежде. У стула по-прежнему имелась спинка, на которую можно было откинуться и немного расслабиться. Но она оказалась теперь не нужна. Было очень легко сидеть прямо, не сутулиться. Потом пришло и другое ощущение: легкость движений. Казалось, стоит только захотеть превратиться в птицу – и руки сами станут крыльями. Ноги легко отрывались теперь от земли, словно бы ее притяжение внезапно уменьшилось вдвое.

Эти перемены в Нэтти заметили все. И даже сам мучитель похвалил в первый раз:

– Держишь спину. Теперь вижу, что держишь.

И все изменилось. От занятий в спортзале она начала получать удовольствие. И даже немного жалеть тех, кто так и не уменьшил земного притяжения. Кто ходит так, будто на ногах пудовые гири. В то время как можно летать! Спасибо тебе, подруга! За то, что ты меня во все это втянула!

И ее отношения с Новлянским изменились тоже. У них теперь оставалось время для флирта. Нэтти решила с ним поиграть. Она уже поняла, что завербовать в союзники Дика будет непросто. Носков слишком умен. Ключ к нему надо еще отыскать, а на это уйдет время. Алекс проще. Рефлексы вырабатываются гораздо легче, чем завоевываются сердца.

Однажды она подошла к Алексу и легко пробежалась пальчиками по его предплечью.

– Какие мышцы! А ты сможешь меня поднять?

– Зачем? – он отстранился и посмотрел ей в глаза. Нэтти улыбнулась:

– Прорепетируем поддержку.

– Я с тобой в паре танцевать не собираюсь.

– Боишься? Ты меня боишься?!

Алекс сердито засопел:

– За кого ты меня принимаешь?

Она рассмеялась, повисла у него на шее, поджала ноги:

– Поднимай!

Он воровато оглянулся на дверь, потом подхватил ее и легко поднял на руки. Глаза в глаза. Нэтти потянулась к его губам, последовал долгий поцелуй. Его руки дрогнули. Она засмеялась:

– Уронишь!

Они упали вместе, на желтые маты. Нэтти запустила руку в короткие густые волосы, нежно пропела:

– Мой милый сладкий мальчик, как нам могло бы быть хорошо! Быть может когда-нибудь, когда все это закончится, и я стану, наконец, собой…

Она внезапно замолчала. Новлянский какое-то время, приподнявшись на локте, разглядывал ее, морща лоб, потом вдруг спросил:

– Ты что, нас всех за нос водишь?

– А чего ты так испугался?

– Ты вообще кто?

– Я? Молодая красивая женщина!

Она пружинисто вскочила. На лице Алекса промелькнула тень. А Раскатову он боится больше!

– Не бойся, – сказала она. – Все идет по плану. И у меня неплохо получается. Хочешь возразить?

– Я не… не все понимаю.

– А что непонятного? Мне нужен твой телефон!

Денег, чтобы купить свой мобильник у нее пока не было. Если она высказывала недовольство по этому поводу, Раскатова тут же протягивала свой: звони. «Мне некому звонить», – тихо отвечала Нэтти. Не звонить же Вике с мобильника Евгении Львовны или из ее квартиры! Раскатова не должна знать о существовании подруги! Нэтти была уверена: ангел – Дашенька за ней шпионит. Ей же в обязанность вменялось опускать в почтовый ящик корреспонденцию Нэтти, если таковая будет. Нэтти пребывала в уверенности, что предварительно Дашенька должна была вскрыть конверт и ознакомиться с содержанием письма. А вот этого нельзя было допустить ни в коем случае.

Ей же необходимо было встретиться с Викой и выяснить, как у нее идут дела. Поэтому Нэтти вкрадчиво сказала, обращаясь к Олегу:

– Послушай, ты не считаешь, что я живу в тюрьме? Что мне надо иногда немного расслабиться?

– Но, Эжени…

– И где мы можем, по-твоему, встречаться, не боясь, что

нас застукают?

– Но ты не можешь поехать ко мне, – испуганно сказал Новлянский. – Я живу не один. С родителями. С сестрами. Их детьми. У нас полон дом народу! А снять квартиру…

– У меня есть подруга. Она снимает маленькую комнатку. Правда, я не знаю, съехала Вика оттуда, или еще нет. Могу я ей позвонить?

Он кивнул, поспешно вскочил и отправился за телефоном. Нэтти стало его даже жалко. Глупый маленький мышонок. Как легко он повелся на кусочек сыра! И конечно, приписывает победу своей неотразимости! Она задумалась. В Новлянском так много женского! Страсть к красивым тряпкам, косметике, украшениям, кокетство, бесконечные романы, в которых Олег увлечен только одним предметом – собой. Плюс эгоизм, мелочность, завистливость. И он еще рассчитывает с выгодой жениться! Неужели найдется дура, которая…

– Держи, – Олег, улыбаясь, протягивал ей телефон.

Вика оставила ей свой рабочий. Было около пяти часов вечера. Нэтти набрала номер.

– Вика? Это Нэтти. Наташа. Я думаю, что завтра мы с тобой можем встретиться. Надо обсудить одно очень деликатное дело, – она покосилась на Олега. – Я думаю, что вечером смогу вырваться. Если ты подъедешь в одно место.

Она имела в виду кафе, расположенное поблизости. Договориться с Олегом не составит труда. Новлянский ее при-

кроет. Вон как смотрит! Это называется: я ваш раб навеки. Что ж, посмотрим, как это можно использовать.

С какой радостью Нэтти воспользовалась драгоценным часом свободы! И побежала на встречу с подругой! Олег Новлянский был уверен, что это во имя его любимого, но в окно на всякий случай посмотрел. Что ж, увидел он высокую симпатичную блондинку, которая подошла к другой высокой симпатичной блондинке. На этот счет Нэтти была спокойна.

Вика пришла вовремя, немного запыхавшись, сказала:

– С работы. Боялась опоздать. Ты сказала, что вырваться тяжело.

– Пойдем в кафе. Скажу сразу: у меня нет денег. В моем контракте было оговорено все, кроме денежного содержания на период обучения. Ни копейки не дают, представляешь?

– Ничего страшного, – тут же сказала Вика. – Я только что получила зарплату.

– У меня всего час. Идем.

Направились в кафе. Вика все время косилась на подругу. А, сделав заказ, не выдержала:

– Классно выглядишь! Я вот натуральная блондинка, а такого эффекта нет! Послушай, ты можешь сказать своему парню, чтобы сделал мне такую же прическу?

– Он не мой парень, – пожала плечами Нэтти. Вика уловила в голосе подруги сожаление:

– Да ты, похоже, неравнодушна к своему парикмахеру?

– Дик не парикмахер. Стилист.

– Я тебя очень прошу…

Принесли заказ. Нэтти смотрела, как подруга с аппетитом набросилась на куриные крылышки. Придвинула тарелку, почувствовала запах еды и… Поняла, что есть *это* не сможет. Добилась-таки своего Раскатова! Холестерин теперь не только ее враг, но и Нэтти.

– В чем дело? – удивленно посмотрела на нее Вика. – Почему не ешь? Вкусно!

– Я не голодна. Закажу салат. – Нэтти подозвала официанта. Потом спросила: – Как твои дела?

– Ты думаешь, это быстро?

– У меня получилось бы быстро.

– Но я не ты, – сказала Вика с сожалением.

Зашедшие в бар парни посмотрели на двух симпатичных блондинок с интересом.

– Сейчас клеиться начнут, – усмехнулась Вика. Нэтти тут же потянулась к ней, нежно обняла и поцеловала в щечку. Парни дружно заржали и вслух обменялись весьма откровенными замечаниями. Потом взяли пива, две курицы гриль и отошли в другой конец зала.

– Все нормально? – спросила Нэтти.

– Как это у тебя получается? Ты – молодец! Послушай, помоги мне. Уговори своего стилиста: пусть со мной поработает.

– Если ты уверена, что это поможет…

– А как же! – возбужденно заговорила Вика. – Какую красавицу он из тебя сделал! А я что? Как была провинциалкой, так ею и осталась! Мне сейчас позарез нужно стать красавицей. Я никогда тебя не забуду, честное слово! Нам хватит денег на двоих.

– Значит, пока никак? – сделал вывод из разговора с подругой Нэтти.

– Ты даже не представляешь, какая мегера жена начальника! – пожаловалась Вика.

– Ну отчего же. Я ее видела. Она не умная женщина. Не знает о лучшем способе удержать мужчину.

– О каком? – с интересом спросила Вика.

– Дать ему полную свободу. Не навязываться. Не ходить за ним хвостом, но быть в курсе всего. Особенно в курсе его интересов. Действуй решительнее и увидишь: тебя ждет успех. И поторопись. У меня через неделю региональный конкурс.

– Через неделю! Я не успею ни за что! Тебе придется туда поехать.

– Ты понимаешь, чем это может закончиться? – вздрогнула Нэтти.

– Ты победишь! Ты сейчас настоящая красавица! Я бы сама выбрала тебя самой-самой, честное слово! Не бойся ничего! Мы справимся!

Нэтти вздохнула:

– Не уверена. А с Диком насчет тебя я поговорю…

…Вопрос об ее участии в региональном конкурсе был решен единолично Евгенией Львовной Раскатовой. Олег Новлянский и Дик в один голос сказали, что она еще не готова. Но, посмотрев на Нэтти в спортзале, а затем на сцене, во время дефиле в вечерних платьях, Эжени решила, что попробовать можно. Членам жюри можно сделать ценные подарки, чтобы не сомневались в выборе. Все-таки провинция, там с этим проще. И девочку «обкатать». Для участия во Всероссийском конкурсе ей нужен титул. Мисс Хоть-чего-нибудь. А на провинциалок сейчас большая мода. Считается, что они свежие, неиспорченные. В общем – ехать! Однозначно!

Меж тем Евгения Львовна чувствовала: что-то происходит. Между Нэтти и Диком, между Диком и Алексом, между Алексом и Нэтти. Завязывается конфликт. Но в чем его суть? Девочка не так проста. И втайне ото всех Раскатова решила навести о Нэтти справки.

Но вот королева убита

Для дебюта будущей Королевы Красоты была выбрана ее родина. Не малая, где Нэтти родилась, а областной центр, город с миллионным населением, куда ездила всего два раза в жизни. Однажды их класс возили в Цирк, в другой раз с мамой, за платьем для выпускного бала. Разумеется, она волновалась. Была и еще одна причина, по которой Нэтти не хотелось на родину. Ее могли узнать. Кто-то жаждал славы, она же опасалась.

И сам процесс. Выйти на сцену, в одном купальнике, услышать, быть может, не совсем лестные комментарии! Она на это не подписывалась! Она не игрушка для забавы толпы! Дик и Алекс пытались ее успокоить:

– Ну что тут такого? Выйдешь, улыбнешься, скажешь пару слов. О том, как ты видишь свое будущее. Говорить ты умеешь. Потом тебя объявят победительницей и наденут на голову корону, – Дик улыбнулся. – О том, чтобы она держалась, я позабочусь.

Нэтти метнула в его сторону удивленный взгляд. Что он знает?

– Я имею в виду прическу, – невозмутимо сказал Носков.

– Нэтти, не трусь. Я буду рядом, – подмигнул Олег Новлянский.

«Вот идиот!» – подумала она. – «Тоже мне, надежная сте-

на, за которой можно спрятаться!».

– Ну, как вы не понимаете! Как вы не понимаете! – застонала она.

Но что именно они не понимают, Нэтти объяснить пока не могла. И мучалась оттого, что не может довериться даже Дику. Раскатова же откровенно радовалась:

– Вот и чудненько! Вот и замечательно! Хорошо, что ты не москвичка! Свежая провинциальная девочка, и все при тебе! Улыбнись!

Евгения Львовна мысленно потирала руки. Свою воспитанницу она тайно все-таки показала людям влиятельным, и услышала о ней немало лестного. Говорили о большом будущем, серьезных контрактах.

– У девочки есть шанс стать настоящей звездой, – сказала о Нэтти одна важная дама. – Что-то в ней есть, определенно. Выделяется из толпы. Не глупа она?

– В этом-то все и дело, – тут же вырвалось у Раскатовой, но язычок Евгения Львовна сразу прикусила. Не глупа! Очень уж догадлива! И характер у нее есть. Ох, и характер! Будет ли Нэтти послушной? Но это потом. На всякого есть методы. Сейчас главное – получить под воспитанницу деньги. Под те миллионные контракты, которые с ней заключат. Итак, они поехали на вокзал.

Для Раскатовой предстоящая поездка была не слишком приятной, но необходимой. Вояжи в провинцию Евгения Львовна не любила, ей там было *некомфортно*. Зато Олег

Новлянский обрадовался. Дома у него была толчея, и он рад был побыть в номере, выспаться, отдохнуть. Дик тоже рад был отдохнуть от своих богатых клиенток. Услышав о его отъезде на несколько дней «дуры» и «коровы» разочарованно вздохнули: Носков их забавлял.

Билеты взяли на поезд, все в одно купе. Оказавшись на Казанском вокзале, Нэтти расстроилась окончательно. Ей почему-то казалось, что это билет в один конец. Туда уедешь, а обратно в столицу уже вряд ли вернешься. Она стояла на перроне, безразличная и к суете вокруг, и к брюзжанию. Евгении Львовны. Раскатова бесилась. С одной стороны, ей было жалко свою машину: весенние дороги и в столице становились ужасными, что уж говорить об их состоянии за границей Московской области! Новенькое «Рено», конечно, было жалко, но и себя Евгения Львовна просила теперь пожалеть. Носильщик уронил ее чемодан в грязь, на подол длинного светлого пальто наступили.

– Это кошмар какой-то! – постанывала она. Не выдержал, как всегда, Носков. Он нарочно наступил в лужу рядом с Евгенией Львовной и фонтан грязи брызнул на пальто. Раскатова взвизгнула:

– Осторожно! Ты еще! Как я это отчищу!

– Нормальные люди не одевают в дорогу светлые вещи, Эжени. Посмотри на Нэтти.

Та стояла, подняв воротник темной куртки, и без интереса наблюдала за вокзальной суетой. Опять эти бесконечные

клетчатые сумки! Женщины, похожие, как две капли воды на тех, что садились в поезд в тот день, когда она сбежала из дома. Все возвращается на круги своя.

– Мог бы нас отвезти! – пеняла Дику Раскатова.

– Сначала прибавь мне зарплату, чтобы я мог купить новую машину, – невозмутимо парировал Носков. – Ты знаешь, что мой «Форд» может развалиться по дороге.

– А у меня, вообще, машины нет, – улыбаясь, отмазался Новлянский.

– Вы все делаете мне назло…

– Хватит ругаться, посадку объявили, – оборвала их Нэтти.

Толпа тут же хлынула к вагонам. Раскатова отпрянула от несущихся на нее людей. На лице ее было написано отчаяние. Похоже, что в эту минуту дама созрела для того, чтобы пожертвовать во имя собственного спокойствия новенькой «Рено». Нэтти вдруг звонко рассмеялась.

– Ты что? – обернулся Дик.

– Так. Нас ждет веселый вечерок.

Он понял, покосился на Раскатову:

– Ничего, я знаю к ней подход.

Очутившись в купе, Евгения Львовна упала на сиденье и сразу же утратила форму, превратившись в мешок с тряпьем. Растеклась и принялась постанывать. Нэтти поняла, что толку от нее не будет, сама отдала проводнице билеты, потом взяла белье, приготовила всем постели. Новлянский и

Дик вышли в коридор, а Евгения Львовна все время перемещалась в сторону, противоположную полезным движениям Нэтти, тем самым совершенно устраняясь от процесса обустройства во временном пристанище.

– Вы когда-нибудь были бедной? – поинтересовалась Нэтти у Эжени.

– Что? – удивленно вскинула брови та.

– Нет, похоже, что не были. Это многое объясняет.

Вскоре Раскатова переоделась в роскошный халат и в одиночестве расположилась на нижней полке, жалуясь на мифическую головную боль. Нэтти прекрасно знала, что Евгения Львовна здорова, как конь. Чему там болеть, в организме, очищенном от шлаков до состояния стерильности? Ни один микроб не выживет в такой среде! Новлянский сделал вид, что ему на все наплевать, а Дик полез в сумку и достал бутылку дорогого коньяка.

– Эжени, прими для согрева.

– Что? Это же куча калорий! Спиртное!!

– Что ты понимаешь! Это всего лишь жидкость! Лучшая в мире жидкость, со вкусом и запахом, а, главное, с градусами.

– Я после коньяка есть захочу, – все еще сомневаясь, покачала головой Раскатова.

– Не успеешь. Уснешь.

Дик достал одноразовые стаканчики и плеснул даме грамм сто пятьдесят. Та выпила залпом, не морщась, так что Нэтти сразу заподозрила у нее солидный алкогольный стаж.

А как же тогда калории? Что было в ее прошлом? Чего не знает она, и что знает Дик? Меж тем тот налил в стаканчик такую же порцию, протянул Новлянскому. Тот покачал головой:

– Не пью.

Носков выпил сам, хотел, было налить еще, но Раскатова встрепенулась:

– Нет, нет, только не Нэтти! Девочка должна завтра быть в форме!

Язык у Эжени заплетался. На вечно голодный желудок спиртное действует убийственно. Пьяная Эжени уснула моментально, а Дик вновь наполнил стаканчик и протянул Нэтти:

– Давай, подруга. Сдается мне, такая доза тебе формы не испортит.

Новлянского в купе не было, он вышел в коридор, услышав там женский смех, Раскатова спала. Нэтти спокойно опрокинула в себя коньяк, бросила в рот одну виноградинку, отщипнув ее от янтарной грозди. Дик сделал движение бровями.:

– Гут. Даже зер гут.

– Надо говорить «ол райт», если косишь под англичанина.

– Вечно путаюсь. Еще?

– Как сам.

– Подруга, мы с тобой просто созданы друг для друга! Почти рифма. Как я? Хорош? Остроумен?

– Послушай, а, сколько лет ты знаешь Эжени? – спросила она, посчитав, что настал момент для взаимных откровений.

– Миллион. Один год рядом с ней равен всему ледниковому периоду. Я заморожен, как мамонт в Сибирской тайге.

– Тебя оттаять?

– Не стоит. Сейчас вернется наш смазливый идиот. Кстати, что у тебя с ним?

– Так заметно?

– Не у тебя. У него.

Новлянский появился тут же, словно стоял под дверью и подслушивал. Заговорил возбужденно и с фальшивым восторгом:

– Там две такие курочки в соседнем купе! Потрясные девчонки! А вы тут, о чем треплетесь?

– О тебе, ненаглядный, о тебе, – усмехнулся Дик.

– И что вы обо мне говорили? – подозрительно спросил Новлянский.

– О том, как ты прекрасен, о, мой юный принц! Как хороши твои сияющие очи в рамке грязного вагонного окна! Как воняет твой гель для волос! И твой одеколон! Кстати, где ты берешь эту гадость? Хочу такой же для очередного появления перед своими тараканами. Авось они меня оставят. Ведь я их разлюбил, – печально сказал Носков.

– Носочкин, знаешь, как мне надоели твои дурацкие шуточки?

– Вот и иди к курочкам в соседнее купе. Оставь нас.

– Ни за что. – Новлянский сел на нижнюю полку, в ногах у Эжени. Так хрюкнула во сне, перевернулась на спину и захрапела. Дик сказал вдруг, задумчиво глядя на храпящую даму:

– Представляешь, Нэтти, когда-то наша Эжени была толстой…

– Шутишь?

– Толстой, доброй бабой. И хлебосольной. Накрывала такие столы! Сама любила покушать и… выпить. Что с нами жизнь делает, а?

Нэтти было интересно узнать про Эжени такие подробности, но Дик неожиданно замолчал. Она посмотрела на него и поняла: не скажет больше ничего. Покосилась на Олега и вздохнула:

– Я все равно боюсь.

Олег только пожал плечами, зато Дик насторожился.

– Давай все-таки попробуем, – осторожно сказал он. – А для того, чтобы никто не усомнился в том, что ты первая, я дам тебе один совет. Запомни: на сцене ты должна быть одна. Все это только для тебя: музыка, заполненный зрительный зал, ведущие, жюри, цветы. А, главное, корона. Только для тебя. Вокруг – пустота. Остальных ты просто на хвосте не чуешь. Нет их. Ни одной. Ты уже смотришь на них правильно: жалеешь. Они хуже, и никто в этом не виноват.

– Но, может быть, для кого-то первое место, действительно, шанс? Мне-то это что мертвому припарка! У меня нет

будущего! – отчаянно сказала она.

– А ты знаешь? Это неплохая жизнь. Не самая худшая, во всяком случае… Я давно хотел с тобой поговорить. Откровенно. Новлянский, ты дремлешь?

– Слушаю тебя, трепач, – Олег открыл глаза. – Давайте лучше в карты поиграем. Не люблю философию.

– Правильно, это работа для мозга. Который функционирует. А твой спит. По моему глубокому убеждению, с самого рождения.

– Ты мне просто завидуешь, – Олег зевнул.

Дик чуть с полки не упал.

– Ну-ка, ну-ка.

– Ты только шут. Человек с глупым именем. Тебя не только назвали по-дурацки, но еще и уронили из коляски головой об асфальт. Я думаю, что ты больной. А кривляешься, чтобы никто об этом не догадался.

– А мальчик-то мыслит! Значит, почти существует! А? – обрадовался Дик. Нэтти рассмеялась, и тут Новлянский не выдержал и кинулся на своего обидчика с кулаками:

– Я уже давно мечтаю набить тебе морду…

Дик ответил ему довольно-таки удачно, точным ударом, и Нэтти вдруг испугалась. Только драки здесь не хватало! Им объединяться надо, а не воевать!

– Тише вы! Оба! Тише, – зашипела она. – Эжени просыпается! Хотите, чтобы вечер был испорчен?

Это их сразу отрезвило.

– Ладно, сочтемся, – сказал Новлянский, поднимаясь с пола. Дик улыбался.

– Мы сейчас поиграем в карты, – сказала Нэтти. – тихо, спокойно. Завтра тяжелый день, послезавтра тоже, не треплите мне нервы. На сцену мне выходить, не вам.

Они послушались. Нэтти чувствовала: еще чуть-чуть и у нее будет двое рабов. Она их под себя подомнет. А вот что делать с Эжени? Она кинула взгляд на спящую женщину. Как там сказал Дик? Была толстой и любила выпить? Это повод для размышлений…

Поезд прибыл в десять утра. Погода была солнечной, не как в Москве, и Нэтти стало чуть легче. Пахло весной: талым снегом, влажной землей, мокрым асфальтом. Повсюду была вода, а в ней отражалось огромное солнце. Глаза слезились, в горле першило. Но настроение все равно было отменное. Весна! Даже Раскатова перестала брюзжать. Сама же Евгения Львовна – столичная штучка в светлом кашемировом пальто и темных очках, вызывала удивление у людей, встречающих московский поезд. На нее косились. Крикнули носильщика. Нэтти шла замыкающей, сердце ее тревожно билось. Весна!

Они позавтракали в ресторане при гостинице после того, как расселились по своим номерам. Потом Раскатова ушла решать организационные вопросы, а Олег, Нэтти и Дик отправились взглянуть на помещение, в котором должен был

проходить конкурс. Этот день был отдан Нэтти на адаптацию. Во второй половине она должна была присоединиться к остальным девушкам, приехавшим из разных городов области. Приглашены были поп и рок группы, из конца отечественного хит-парада, не требующие *особых* условий и бешеных гонораров, ну и местные звезды не хотели упустить такого случая, блеснуть перед публикой и напомнить о себе. Вечером должна была пройти генеральная репетиция.

Нэтти немного нервничала. И мысленно успокаивала себя: кто в ее родном городе будет смотреть этот конкурс? По ЦТ не покажут, лишь в местных «Новостях», а кто их смотрит? В дневное время все на работе, вечерний эфир занят интересными передачами центральных каналов. Нэтти не слышала, чтобы раньше, среди ее знакомых, обсуждалась такая тема, как областной конкурс красоты. Чего бояться?

После утренней разминки с Олегом Нэтти чувствовала себя прекрасно. Остальные девушки на нее косились, и Нэтти понимала их взгляды: все-таки с ней работали настоящие профессионалы. А остальные так, любительницы. Впрочем, одна девица, похожая на испуганную лань, была ничего. Демонстрировала балетную растяжку, заводя при этом оленьи глаза, траурно обведенные огромными ресницами. Нэтти весь вечер умилялась этой очаровательной Бэмби. Зависти к сопернице у нее не было.

Новлянский и Дик сидели в зале, Раскатова отсутствовала. Уже после того, как девушек отпустили, Олег с чувством

сказал:

– Хорошо смотришься! Молодец! Эжени зря суетится, тебе здесь конкуренток нет.

– А Бэмби? – грустно спросила Нэтти.

– Кто? – не поняли мужчины.

– Тоненькая балерина с дивными оленьими глазами.

– Ах, эта… – с чувством протянул Олег. – Да, ничего.

– Понимаешь, подруга, – вмешался Дик, – это тебе не зоопарк. Конечно, что-то животное во всем этом зрелище есть: стая самцов придет поглазеть на отборных самочек…

– Носочкин!

– Вот, кстати, один из них возмущается по поводу того, что кто-то говорит правду. Надо называть вещи своими именами хотя бы тем, кто на этих вещах делает деньги. Мы эксплуатируем основной инстинкт, чего уж тут скрывать? Так вот о Бэмби: к восхищению ею примешивается жалость. Из жалости королевами не становятся, запомни, Нэтти. Это жестокий спорт. Будь готова зубами рвать глотки.

– Кого вы из меня делаете?!

– Да ладно прикидываться! Пойдемте отсюда, сегодня здесь делать больше нечего. Репетиция закончена, статистки разбрелись по теплым кроваткам. Хорошо, если по своим. Новлянский, пошел бы ты, проводил Бэмби.

– Сам иди, – огрызнулся тот. – Я тебе не трубадур.

– Ого! Интеллект проявляется в том, как к месту употреблено красивое слово! Я-то давно понял, что за внешностью

менестреля скрывается циник и развратный тип. Тебе не песен надо, а тела, жалкий ты человек. А с Бэмби песня долгая. Пока доберешься до сути – охрипнуть можно, а у тебя, Алекс, только два дня.

– Заткнешься ты, или нет?!

Нэтти и самой хотелось отправить хореографа на поиски развлечений и отделаться от него на весь вечер, но она понимала, что Дик слишком прямолинеен. Достает Олега, а зря. Новлянский из вредности не оставит их наедине. Надо действовать через Эжени. Спихнуть Новлянского на руки Раскатовой. Надо сказать, что в светлом пальто она будет лучше смотреться рядом с темноволосым красавцем – пажом. Кто здесь знает о том, что Олег не ее любовник?

Сама Евгения Львовна выглядела довольной. Здесь, в провинции она была вне конкуренции со своими изысканными манерами и в изысканных нарядах. Импозантный господин из городской администрации не спускал с Раскатовой глаз, сопровождая Эжени повсюду, и та оттаяла. Нэтти следила за всем очень внимательно. Ей необходим был ключик к Евгении Львовне. Если они вчетвером не будут одной командой, то вся затея провалится в один момент. Олега Новлянского Нэтти ей все-таки сплавила. Нажаловалась, будто тот подбивает пойти в кабак и просидеть там до полуночи.

– Я хочу выспаться, – заявила Нэтти.

Раскатова тут же вцепилась в Алекса:

– Пойдем с нами, полуночник. Возьми с собой Носкова, а

Нэтти пусть спит. Хороший цвет лица – главное для женщины. Ну и, конечно, минимум калорий, витамины, диета…

Нэтти чуть не заткнула уши. Ну, сколько можно об одном и том же? Помешанная, не иначе. Прежде чем уйти, Новлянский посмотрел на Нэтти вопросительно: «Можно я потом к тебе зайду?», – прочитала в его взгляде она и так же взглядом ответила: «Нельзя». Он покосился на Дика, который сделал вид, что все это ему безразлично. И все трое ушли, в сопровождение импозантного кавалера Эжени, который вызвался показать москвичам местные достопримечательности.

Она осталась одна. Главное, что в ее номере есть телефон. Первым делом Нэтти заказала междугородние переговоры и стала ждать. Прошел час. Она уже отчаялась, и вдруг…

– Алло! Кто это? Алло!

Комок застрял в горле, она все никак не могла его проглотить.

– Кто говорит? Алло!

Захотелось заплакать. Проглотив, наконец, комок, она тихо сказала.

– Мама, это я. Все наши дома? …

…Они так и не узнали, где Нэтти, что собирается делать и когда вернется домой. Разговор ни о чем, общими фразами. На нее все еще сердились и никак не могли простить. Нэтти пообещала, что обязательно достанет деньги. Много денег. И все будут счастливы. Но для этого ей придется много работать, а им подождать.

Из телефонного разговора Нэтти поняла, что дома все в порядке. Живы – здоровы, скучают. Но долго лежала без сна, думая о своем будущем. Что делать? Надо бы послать им денег. А где взять? Вдруг она услышала осторожный стук в дверь. Только одного человека она хотела сейчас видеть. И это был он. Новлянский вряд ли знал азбуку Морзе, она же ясно услышала: SOS.

Нэтти спрыгнула с постели и босиком побежала к двери. Дик стоял на пороге, держа в руках чахлый кактус в глиняном горшке.

– На, держи, – он протянул горшок Нэтти. – Неудобно к девушке, ночью и без цветов. Магазины закрыты, провинция. Вот, в холле прихватил. Поставь рядом с водой. Но не поливай. Пусть думает, что он по-прежнему в пустыне.

Нэтти взяла горшок и улыбнулась:

– Заходи. – Закрыла за ним дверь и спросила: – А где остальные?

– В баре. Я изобразил любовь с первого взгляда к одной из местных красавиц и сказал, что хочу провести с ней ночь. Все поверили. А ты?

– А, если серьезно?

– Если серьёзно, то я честно довел девицу… До такси. Но поехали мы с ней в разные стороны. Я поклялся, что увезу ее с собой, в Москву. Потому что я честный человек. Сначала штамп в паспорте, а потом все остальное. Ну, что с тобой? Ты вся дрожишь!

Нэтти прижалась к нему и несколько раз повторила:

– Мне страшно, мне страшно, мне страшно…

– Я все понял. И пришел тебя успокоить. Сейчас ты расскажешь мне все. И вместе мы подумаем, что можно сделать.

Она подняла голову, ее губы встретились с его губами. Она так долго не знала мужчину, что голова закружилась, ноги подогнулись, и даже слегка затошнило. Захотелось немедленно утолить голод. Это была короткая, бурная схватка, словно с завязанными глазами, в полной темноте, хотя в комнате горел свет. Они себя не контролировали. Она очень быстро достигла оргазма и отпустила его на свободу. Только после этого сказала:

– Да, я давно хотела с тобой поговорить. Ты только не кричи, выслушай меня спокойно…

Когда Нэтти закончила свой рассказ, он ни сказал, ни слова. Какое-то время они лежали, молчали. Он думал. Вдруг в коридоре послышались осторожные шаги, и кто-то поскребся в дверь.

– Новлянский, – одними губами сказала Нэтти. – Я же дала ему понять, чтобы не приходил.

– Он дурак, – тихо сказал Дик. – А дураки настойчивы.

Подтверждая его слова, Олег тихо и нежно произнес:

– Нэтти. Это я.

– Глупая свинья, – отчетливо сказал Дик.

– Тихо, – испугалась Нэтти. – Не осложняй наше положение еще больше. Такой враг нам не нужен. Будет шпионить

и доносить. А чего хуже…

– Нэт? Ты спишь?

Неизвестно, сколько бы Алекс простоял под дверью, но в коридоре послышался голос Эжени. Последовал короткий диалог, и одновременно хлопнули две двери. Нэтти вздохнула с облегчением и с нежностью посмотрела на Дика:

– Тебе тоже пора.

– Думаешь?

– Скажи мне только, что все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – задумчиво сказал он. Потом не удержался: – Только учти, что Раскатова тебе этого не простит.

– Ты должен мне все рассказать про ту толстую, хлебосольную бабу. Которой она когда-то была.

– Это еще зачем?

– Надо, – коротко ответила она.

– Нэтти, милая моя Нэтти. Вместе с лишними килограммами Эжени изгнала из себя душу. У меня такое чувство, что все лучшее в ней помещалось именно в обильных складках жира. Но, если ты хочешь…

– Ладно, это потом. Подай мне большую серую заколку, там, на столике лежит. Я тебя провожу.

Дик посмотрел на столик, пошарил там рукой, взял какую-то вещь и протянул Нэтти.

– Нет, не эту, – нетерпеливо сказала она. – Серую. Эта розовая, у нее замок сломан.

– Дурацкий цвет, – нервно сказал Дик.

– Нормальный. Все. Иди.

Но он не спешил уходить. Они поцеловались, отстранившись, Дик задумчиво посмотрел в темное окно:

– По правилам, я должен был бы влезть в соседний номер через балкон, рискуя жизнью.

– Только не перепутай, а то попадешь к Эжени. Она обрадуется, – пошутила Нэтти.

– Зато я сразу умру.

Он все-таки вышел в дверь, посмотрев предварительно, пуст ли коридор. Нэтти так и не поняла, какой Дик сделал вывод из всего вышесказанного. И что он предпримет. Есть ли у нее отныне рыцарь, который будет защищать ее честь, или же она по-прежнему одинока в своем несчастье?

«А жаль, что его не назвали Ланселотом», – неожиданно подумала Нэтти, уже лежа в постели. Зевнула, перевернулась на бок и крепко уснула. Теперь она была уверена, что будет выглядеть завтра на все сто. И цвет ее лица будет потрясающим.

Даже если ты на сто процентов уверен в успехе, волнение все равно начнет выбивать на твоих нервах барабанную дробь. Да так, что в ушах отдается, а зубы лязгают в такт. У Нэтти реакция на стресс оказалась своеобразной: она замерзала. За кулисами было душно и очень жарко. Отопление еще не отключили, и в результате плюсовой температуры на

улице градусы в помещении были избыточные. Все остальные задыхались, а Нэтти, лязгая зубами, попросила у Дика шерстяные носки. Он удивился:

– Здесь же дышать нечем!

Она не ответила, молча вложила свою руку ему в ладонь. Рука Нэтти оказалась ледяной, Дик вздрогнул:

– Да ты живая, или нет?

Она же чувствовала по всему телу мурашки. Дик нервничал, гримируя ее лицо. Пришлось наложить много тонального крема. Он разволновался:

– А, вдруг, ты начнешь потеть? У меня ощущение, будто я раскрашиваю ледяную статую. Если грим потечет, видок будет еще тот! Держись, подруга!

Она почувствовала, что не может ничего ответить. Язык одеревенел. Тысячеглазое чудовище стягивало в зал свои бесчисленные конечности. Жующие рты, шевелящиеся пальцы, чешуя разноцветных нарядов, – все это растекалось по сиденьям и готовилось переварить зрелище единым желудком. Нэтти не боялась, но невольно заискивала перед этим чудовищем, толпой. Его нельзя было победить, а только вызвать к себе интерес и сочувствие, и тем самым уберечься.

В конце концов, они остались один на один – Нэтти и замерший в ожидании монстр. Промелькнули стройные девушки из местной хореографической студии, популярная группа попыталась завести зал и отпрыгала положенные десять минут. Это были легкие закуски перед основным блю-

дом. Прожевав их, монстр почувствовал аппетит и зааплодировал. Тогда, словно шампанское, на сцене заискрились разноцветные огни. Пеной полез откуда-то дым, и перетянутые в талиях красавицы в ярких платьях, были поданы, словно хрустальные бокалы.

Монстр причмокнул от удовольствия тысячей ртов и замер, уставившись в многочисленные бинокли. Нэтти его не видела: огни рампы били в глаза. Там, в зале, было темно, и Нэтти могла только почувствовать, что нравится именно она. Бедная Бэмби улыбалась натянуто, и Нэтти заметила, что ее шелковая шкурка подрагивает от страха. Других соперниц Нэтти не принимала всерьез. Она прошлась вперед, к рампе, затем обратно. И страх прошел, потому что тело слушалось, ноги не заплетались, волосы были залиты лаком настолько, что не шелохнулись бы, пролети даже над этой сценой ураган. Платье для первого выхода ей выбрали белое, с блестками и скромным вырезом. Красное Дик оставил для финального прохода. В том, что Нэтти будет в финале, он не сомневался.

Потом жюри взяло паузу для короткого совещания, а красавицы немного расслабились за кулисами, прикидывая, кому придется выходить в купальнике, а кому нет. Нэтти уже было все равно, она немного согрелась, но не вспотела настолько, чтобы потек грим. Но Дик все равно суетился рядом со своими кисточками. Раскатова сидела в зале, делая вид, что она – лицо не заинтересованное. Нэтти вдруг вспомнила,

что Олег к ней так и не подошёл. Надо было бы оправдаться за вчерашнее, сочинить какую-нибудь историю. О том, как она устала и уснула. Олег был ей еще нужен.

– Где Олег? – тихо спросила она у Дика. Помада лежала на губах таким жирным слоем, что казалось – скажи громкое слово, и она сползет, как лавина с гор, оставив голым серый и неприглядный склон.

– Не знаю, – нервно ответил он.

– Что-то было вчера? – догадалась Нэтти.

– Если между двумя мужчинами встала женщина, они должны разбираться не через нее, а друг с другом. Это не твое дело. Молчи и готовься к следующему конкурсу.

Нэтти уже чувствовала вокруг себя пустоту, предвестницу громкого успеха. Остальные девушки друг друга знали раньше, или уже успели познакомиться. Только Нэтти оказалась всем чужой. Зато – первой. Ей было жалко только Бэмби. Наконец, жюри вызвало красавиц на сцену, чтобы объявить имена тех, кто вышел в следующий тур. Когда отсеянные исчезли за кулисами, Нэтти неожиданно оказалась на сцене рядом с Бэмби. Та была чуть ниже, но изящнее. Нэтти неожиданно позавидовала ее хрупкости, и воздушной легкости движений. Бэмби никто не сделал, она такой родилась. Вот она была настоящей красавицей!

Они вместе ушли со сцены, переодеваться в купальники, а очередной табун резвого молодняка ринулся на сцену, навстречу разгорающемуся аппетиту толпы. Следующим был

выход в купальниках.

Когда на сцене появились красавицы в бикини, зрители на мгновение замерли, потом кинулись протирать свои бинокли. Нэтти улыбнулась, потому что все это теперь казалось забавным. В принципе, все девушки были одинаковы. Купальники на них похожие, фигуры в соответствии с общепринятыми стандартами. Чего тут выбирать? Победит та, которая будет увереннее держаться. Двигаться легко, и словно заигрывая с толпой. Главное, не оглядываться по сторонам, не смотреть в зал: кто и как на тебя глазеет. Никого нет. Места абсолютно пустые. Сцена пустая. За кулисами тоже никого нет. Дик оказался прав. Надо быть выше всего этого. А соперниц, действительно, очень даже жалко. Бедная Бэмби, наверное, позвала своего мальчика, посмотреть на триумф любимой девушки. Олененок постоянно вглядывается в зал и при этом смешно вытягивает шею. Нельзя давать толпе почувствовать, что высматриваешь кого-то одного. Сейчас ты не должна делить сидящих в зале на чужих и близких.

Нэтти спокойно прошлась взад и вперед по сцене. Поймала ритм и двигалась под музыку легко, изящно. Чего проще? Уменьшив однажды земное притяжение, на него можно вообще не обращать внимания. Жаль, что долго ходить по сцене не заставили.

Она с сожалением ушла. За кулисами Дик возбужденно сказал::

– Потрясающе! Молодец! Сейчас объявят, кто вышел в

финал, и я быстренько подберу тебе волосы в прическу для вечернего платья. Умница моя.

Он ни словом, ни взглядом не дал понять, что после вчерашнего что-то должно измениться в их отношениях. Решать ей. Позовет – он придет. Нет, так будет делать вид, что ничего не случилось. Вот он – умница! Помог ей облачиться в алое платье, быстро и умело сделал прическу. Теперь на сцене появились женщины – цветы. Нэтти была королевой цветов – розой. А Бэмби показалась ей орхидеей с сиреневыми лепестками длинных оленьих глаз. В нежных листьях зеленого платья олененок еле заметно дрожал, и все так же тревожно вглядывался в зал.

Они прошлись несколько раз по сцене, потом пятеро финалисток выстроились в ряд. Сначала назвали тех, кто занял третье и второе место. Ни Нэтти, ни Бэмби. На мгновение показалось, что олененок победил. Не могли же такую девушку оставить без всяких призов! Ведущий с улыбкой посмотрел на обеих. Потом заглянул в листок, как будто не знал, что там написано и торжественно сказал:

– А победила в нашем Конкурсе Красоты Наталья Белова из…

Название городка, в котором родилась Нэтти, утонуло в овациях. Нэтти оглянулась на Бэмби: «Наталья Белова? Так ее зовут?». Ведущий с недоумением смотрел на только что выбранную королеву, которая не спешила выйти вперед. «Ах, да, Наталья Белова – это я!» – сообразила, нако-

нец, Нэтти и с сожалением посмотрела на олененка. По лицу Бэмби текли слезы.

Тут же ей в руки втиснули огромный букет. Ведущий, поднявшись на носочки, уже пристраивал в пышной прическе Нэтти колючую корону. Девушка в кокошнике и с огромной косой закалывала булавочками ленту с золотой надписью: «Мисс…» Название областного центра оказалось у Нэтти на боку. Она все еще не могла понять, почему так не повезло Бэмби? Та улыбалась сквозь слезы. Бедный ее мальчик, наверное, сейчас доказывал всем, кто сидел рядом, как не право жюри. Нэтти была с ним полностью согласна. Потом вереницей потянулись спонсоры с дарами. Кто-то накинул на плечи Нэтти дорогую шубку. Мех, уютно устроившись на плечах, согрел окончательно. Как там и был. Потом перед ее носом махнули билетами в круиз. Представитель городской администрации, ухаживавший накануне за Раскатовой, объявил, наконец, сумму главного приза. Нэтти очнулась и удивленно подняла брови. Неужели ей, Нэтти, этих денег никто не даст?

Отвлекло ее от этих мыслей появление субтильного типа, который проскочил мимо, прямиком к Бэмби, и стал пристраивать на той ленту с надписью: «Мисс зрительских симпатий». Олененок, наконец, искренне улыбнулся. Бэмби достались видеомагнитофон и подлинное первенство. Нэтти почувствовала, что почти влюбилась в эту девушку, которая всегда будет самой прекрасной, но никогда ничего не выиг-

рает. Королевам такая нежная красота не нужна, зато люди тянутся к ней охотно.

Остальные обделенные Нэтти интересовали мало. Там, за кулисами, разыгралась настоящая драма. Слезы, обиды, сплетни, упреки, косые взгляды друг на друга и на победительниц. Нэтти не понимала, как можно расстраиваться из-за такой ерунды, как конкурс красоты! Это же все условно! Но девушки рыдали громко и всерьез. Зареванная брюнетка посмотрела на Нэтти с ненавистью:

– Всё у них куплено, у этих москвичей, – услышала она. – Приехали тут…

Дальше было совсем уже непонятное шипение. Молчаливая поддержка остальных конкурсанток не удивила Нэтти, но, все равно, было неприятно. Кто-то должен оказаться избранным. Без этого никак нельзя. Есть титул, у которого должен быть хозяин. Если бы не Нэтти, то вся ненависть досталась бы другой. А шанс есть у всех. Работай, и все получится. Удача не так слепа, как о ней говорят, а очень даже зряча. И зря они так огорчаются.

Нэтти от ее нового титула были только одни неприятности. Все деньги забрала Раскатова, шуба не понадобилась, потому что уже наступила весна, бриллианты в короне были фальшивыми, круиз отложили до лучших времен. Нэтти много и долго фотографировали, потом повезли на бесконечный банкет, где нудные типы долго, завязая в комплементах, как в липком тесте, высказывали ей свое восхище-

ние. Евгения Львовна, как всегда, следила за каждым проглоченным собой и Нэтти куском. Дик держался на расстоянии, он знал свое место. Нэтти терпела, мечтая только об одном: упасть, наконец, в кровать, сбросив туфли на высоких каблуках. Она очень устала. Лицо изнемогало под толстым слоем грима, корона давила с такой силой, что голова уже раскалывалась от боли. Всеобщее восхищение вызывало тошноту, как будто Нэтти объелась сладкого. Ужасный день! Как жаль, что отныне его придется называть самым счастливым днем в своей жизни. Нэтти словно услышала вопросы журналистов:

– Когда вы почувствовали себя самой счастливой? Как это было?

«Когда все оставили меня в покое», – ответила бы она. И вдруг задумалась: – «А когда это случится?». Оставшись в номере одна, она вздохнула с облегчением. Свершилось. Теперь надо подождать. Какова будет реакция на ее победу?

Они уехали из города на следующий день: победная четверка с главным трофеем, который громко назывался королевской короной. Дик откровенно смеялся над этим атрибутом верховной власти, который открывал для Нэтти дорогу в высшие сферы.

– Как же условен наш убогий мир! – философствовал он, щелкая по стекляшкам короны. – А, быть может, в одной из тех деревень, мимо которых мы сейчас проезжаем, сидит у

окошка какая-нибудь Варвара-краса, длинная коса, которую и перекрашивать не надо, и ресницы ей клеить, и королевской походке учить…

– Ресницы у меня свои, – тут же вставила Нэтти.

– Ну да. И, все-таки, глупостью мы занимаемся, – с сожалением сказал Дик.

– Ты на этой глупости квартиру себе заработал, – отреагировал Новлянский.

– У тебя ложная информация о моих доходах. Квартира досталась мне в наследство от родителей. И потом: тебе кто мешает? Совершенное тело так же дорого, как и совершенное лицо.

– Я халтуру на дом не беру.

– Правильно, зачем тебе? Мужчины по вызову обслуживают состоятельных дамочек у них же на дому.

– Да хватит вам ругаться! – попыталась растащить их Нэтти.

– Заткнитесь! – конкретно выразилась Раскатова.

Она чувствовала, как отношения в команде становятся напряженными. Нэтти стравила-таки Алекса и Дика. Зачем? Новлянский перед Нэтти теперь явно заискивал, Дик был более сдержан, но за его шуточками Евгения Львовна чувствовала не шуточную страсть. Бросила на Нэтти внимательный взгляд: что между ними было? Как быстро девчонка окрутила мужиков! А те многое на своем веку повидали! Уж красоток точно. Под стук колес Евгения Львовна пыталась осмыс-

лить происходящее. Возможно, недалек тот день, когда произойдет и ее столкновение с девочкой. Уж очень быстро эта птичка оперилась! А терпеть ее придется.

Нэтти же по приезде в Москву первым делом позвонила Вике. Новлянский очень неохотно дал свой мобильный телефон. Он уже попытался высказать Нэтти претензии, касающиеся закрытой перед носом двери. Но запутался в сочиненной ею небылице, и проглотил ее, сделав вид, что конфетка не такая горькая. Нэтти же сейчас интересовалась только Викой. Услышала ее голос и обрадовалась:

– Вика? Я вернулась. Как там у тебя дела?

– Ой, ты себе даже не представляешь! Потрясно! Моя новая прическа произвела фурор!

Перед самым отъездом на конкурс Нэтти уговорила Дика поработать над имиджем Вики. Сделать ей нечто похожее на прическу ее самой. Теперь подруга пожинала плоды.

– Значит, дело сдвинулось? – спросила Нэтти.

– Ты даже не представляешь, как! Эта грымза всерьез думает, что я ею восхищаюсь! Я даже могу бывать у них в доме.

– Отлично.

– Сколько ты еще выдержишь?

– Не знаю. Вообще-то, мне начинает нравится, – откровенно сказала Нэтти.

– Да? – удивилась подруга. – А раньше ты говорила…

Нэтти послышалось в ее голосе недовольство. В чем дело? Неужели женская зависть? Ревность? Очень вовремя!

– Вика?

– Да.

– Теперь я очень рада, что все так сложилось. У тебя теперь своя жизнь, а у меня своя. Пусть так оно и остается.

– Но мы же по-другому договаривались…

– А теперь мне нравится мое положение. Скоро я всех заставлю делать так, как захочется мне. Тебе понятно?

– Как ты изменилась!

– Меня научили не замечать соперниц. Я одна такая. Понимаешь? И мне все удается.

– Когда мы встретимся?

– Я буду звонить…

Нэтти и не заметила, как пролетело два месяца. Она готовилась к новым победам и была страшно занята. То, как развивались ее отношения с Диком, слегка разочаровало. Она ожидала большего. Когда новизна ощущений прошла, он вдруг показался скучным.

Периодически ложась с ним в постель, Нэтти с удивлением чувствовала, что гораздо больше удовольствия получает, когда Дик гримирует ей лицо, или возится с волосами. Это была любовь через зеркало: к тому, что могло сейчас бы произойти, но не происходило из-за присутствия посторонних. Она закрывала глаза и воображала, как бы это было. Когда они были в постели, ей не хватало вдохновения Дика, той чувственности, с которой он работал с женщинами пе-

ред зеркалом. Но, рассказав о себе все, она уже не могла прекратить эти отношения. Ведь он теперь знал о ней правду. И кроме него, помочь ей было некому. Дик догадывался, что у Нэтти нет любви к нему, но сам чувствовал, как зависит от нее все больше и больше. Из-за этой прогрессирующей, как неизлечимая болезнь, страсти, Дик рассказал в итоге про себя самого все. А, главное, про Раскатову. Он дал Нэтти ключи к ней. Следовательно, ключи к свободе.

Вскоре после конкурса Эжени и ее воспитанница впервые вступили в конфликт. Новоиспеченная королева поинтересовалась судьбой заработанных денег, и получила вполне конкретный ответ:

– Девушка, твоих там нет ни копейки.

– Но я же победила…

– Это я победила, – заявила Раскатова. – Любое подобное мероприятие – состязание толстых кошельков. Запомни это и не высовывайся. Ты – кукла. Я тебя пою, кормлю, одеваю, нанимаю людей, чтобы тебя обучали и раскрашивали. Будь довольна, что ни в чем не нуждаешься.

– Но мне очень нужны деньги.

– Это еще зачем?

Нэтти тут же прикусила язычок. Вот этого говорить нельзя. Раскатова далеко не дура. Потянешь за ниточку – распустишь всю вещь. А вещь-то краденая! Надо дождаться лета. Летом будет затишье, а с наступлением осени начнется оживление в жизни столицы. И конкурсы красоты начнутся

тоже. У Нэтти уже был план. Без Раскатовой никак. Надо брать ее в разработку.

Нэтти тщательно собирала информацию. Ангел – Дашенька оказалась девушкой упорной. Нэтти долго не понимала, что держит при домашнем хозяйстве Раскатовой такую симпатичную молодую особу. Горничная Евгении Львовны была девушкой видной, со взглядом ангельским, голосом тихим, но именно это и настораживало Нэтти. Потом она поняла, что не ошиблась. Не бывает людей без второго дна. Оставалось только догадываться, как Дашенька попала к Раскатовой в дом. Тоже, наверное, подобрали на улице и приучили служить, не задавая лишних вопросов и не требуя свободы. Что ж, для некоторых такая тюрьма – блаженство. Есть люди, которые рады переложить на других свои проблемы и оплатить это безграничной преданностью. Племя прислуги, которая не умеет решать, но умеет служить. Спроси меня, кто твой хозяин, и больше не спрашивай ни о чем.

Но расстраиваться по поводу Дашеньки Нэтти не стала. Не на ту напали. Это Танька Петухова была особой безвольной и не умела за себе постоять. Когда Нэтти поняла, какую игру ведет ангел-Дашенька, она быстренько взяла ту в оборот и вытрясла все, что было нужно. А там уже добраться до самой Раскатовой оказалось просто. Все это были моменты неприятные, но Нэтти уговаривала себя: «Это они сделали меня такой. Решили заработать на мне большие деньги. И Вика тоже хороша. Когда я нужна была ей, вела себя по-

другому, а теперь потихоньку начинает предавать. Я совсем одна. Но они меня недооценили. Они все – только мой эскорт. А настоящая королева – я. Вот и пора Евгении Львовне узнать свое место».

Раскатова сдалась быстро. После нескольких прозрачных намеков, а потом атаки в лоб, стала без разговоров предоставлять Нэтти наличные деньги и свободу. Зубами при этом скрипела, но Нэтти только злорадствовала: «Скрипи, скрипи. После того, как пройдет Всероссийский конкурс, я вообще от тебя избавлюсь. Поеду в Европу, а там непременно пробьюсь. Получу миллионные контракты. Только ты, Эжени, при этом останешься за бортом. Ты и так неплохо на мне поимеешь, если первое место будет мое. А это никуда теперь не денется. Я лучше всех!».

Раньше, когда четверка появлялась на людях, на переднем плане всегда выступала Евгения Львовна. Нэтти держалась между Олегом и Диком, и старалась больше молчать. Теперь Нэтти чувствовала свою силу. Не боялась высказаться, если спросят, выдвинуться вперед, что-то прокомментировать. Своим поведением всячески показывала, что сопровождающие ее лица – только эскорт, но именно она, Нэтти, главная. Раскатова как-то поблекла, Новлянский пытался скрывать свои чувства, но Нэтти думала злорадно, что Олег ее боится. Дик потихоньку становился просто рабом. Который приходит по первому зову, а когда прогоняют, бесшумно исчезает. В общем, все складывалось удачно. Была только од-

на огромная проблема, больная мозоль, на которую боязно было наступить, но Нэтти с этим пока справлялась.

Большие неприятности случаются, как правило, после того, как накануне было особенно весело. Нэтти провела приятный вечер с Диком, разозлила Эжени, позабавилась с Олегом. Она никогда не задумывалась над тем, что привыкает быть центром вращения маленькой Вселенной, но при этом заряжает существующую вокруг пустоту ненавистью. Ее этому научили. Дик сам сказал, что надо глотку рвать зубами. Сегодня пожалеешь кого-то, а завтра не пожалеют тебя. Когда на следующий день Нэтти увидела этого человека, то поняла, что проблемы будут.

Нэтти уже успела его забыть. Воспоминаний, среди которых имелись и приятные, но теперь совершенно ненужные, были отброшены в сторону, как пустые коробочки от использованных теней. Все в одно мусорное ведро: и темные, и светлые. Не надо теперь никаких. Да, она еще должна этому человеку, много должна, но теперь хочет и готова расплатиться. Пусть помолчит и подождет еще немного. Дело только в деньгах, потому что другого между ними теперь нет. Все это было очень неприятно. Проблемы лепились одна на другую, словно слои мокрого снега, и этот огромный ком становился все больше и больше. Нэтти толкала его перед собой, чувствуя, как ком растет. И понимала теперь, что движется вместе с ним в огромную гору. Все тяжелее и тяжелее.

Последний удар нанесла Вика. Потребовала решительно-

го объяснения в тот момент, когда Нэтти удалось уладить одну из возникших проблем.

«Наверное, с Викой – это последнее. Потом все» – затравленно думала Нэтти.

Она очень устала за последний месяц. Заканчивался август, скоро долгожданная осень, а сил нет. Она нервничала, и теперь уже не стеснялась срываться на всех. В том числе и на хозяйку агентства, Раскатову. Заявила, глядя, Евгении Львовне в глаза:

– Я не кукла. Это вы все должны служить мне. Не вы хотите сделать меня королевой, а я позволяю вам присутствовать при собственном триумфе. Будьте этим довольны.

Раскатова смотрела на нее с ненавистью, но молчала. Олег надувал губы, словно обиженный ребенок. Дик делал вид, что все сказанное его лично не касается.

– Завтра меня не будет, – объявила под конец Нэтти. – Я еду в гости. Встретимся в понедельник. И еще, Евгения Львовна: мне нужны деньги.

– Я давала тебе недавно крупную сумму, – побледнела Раскатова.

– Хочу купить себе новый костюм. Надо хорошо выглядеть.

– Тебе помочь его выбрать? – спросил Дик.

– Мне надоели твои советы. Могу я хоть раз в жизни купить себе одежду сама?

Нэтти понимала, что это нервы. На Дика можно было бы

и не орать. Завтра тяжелый день. Она улыбнулась:

– Дик, у тебя найдется время?

– Конечно.

– Мне надо съездить в одно место. Отвезешь меня. Готов? Новлянский сегодня едет домой на метро. Мышонок, твой темперамент может найти достойное применение в битком набитом вагоне. Там, наверняка, окажутся симпатяги. Удачи!

Нэтти вышла из кабинета Раскатовой в сопровождении Дика, чувствуя спиной злые взгляды Эжени и Олега. А когда ее унижали, ничего было? Новлянский, садист, пытал несчастное тело Нэтти, Раскатова три месяца издевалась над ее душой. Ее бы запереть в чужой квартире и оборвать все контакты с окружающим миром. Даже с Викой приходилось встречаться тайком. Так им всем и надо! Нэтти была уверена в том, что все проблемы рано или поздно решаются. Она верила в свой победный завтрашний день и шла навстречу ему уверенно и достойно. Все будет просто отлично. Удача выбирает умных. Надо только немного ей помочь…

В понедельник все с самого утра ждали Нэтти. Раскатова нервно расхаживала по кабинету и смотрела на часы. Новлянский дремал, сожалея о том, что не доспал. Можно было бы не торопиться. Где она, интересно, шатается? Дик молчал против обыкновения, и посматривал на телефон. Только через час в кабинете Раскатовой, наконец, появились двое.

Один высоченный, с седыми висками, с висячими усами, и взглядом усталым, и грустным. Вот, мол, пришлось с утра приехать в модельное агентство. Он рассматривал красивых девушек, коих здесь было великое множество, без всякого интереса. Зато второй, невысокого роста, гладко выбритый и отчаянно застенчивый парень, озирался по сторонам, как маленький ребенок, впервые попавший в дорогой игрушечный магазин.

Старший представился Раскатовой, сразу признав в ней главную:

– Волнистый Сергей Павлович. Старший оперуполномоченный районного отделения милиции, по борьбе с особо тяжкими преступлениями, звание – майор. Ознакомьтесь с удостоверением и документы ваши поищите, пожалуйста. Всех касается. Протокол будем составлять. Сережа, присаживайся здесь. Стол очистите, будьте добры.

– Какой протокол? Что вы несете? – заволновалась Раскатова. – У меня с документами все в порядке. Я с налоговой службой проблем никаких не имею!

– А мы не налогами интересуемся. Визиточка ваша?

Майор протянул Раскатовой визитку, на котором были указаны название модельного агентства, владелицей которого она являлась, мобильный и рабочие телефоны.

– Ну, моя, – кивнула Раскатова.

– Эти граждане тоже у вас работают? – старший оперуполномоченный кивнул на Дика и Олега Новлянского.

– Допустим. А, собственно…

– Значит, со всеми поговорим. Соблюдая очередность. Эта девушка вам знакома?

Майор положил на стол перед Евгенией Львовной несколько фотографий. Новлянский придвинул стул и принялся вместе с Раскатовой разглядывать снимки. Стройное женское тело в розовом костюме, испачканном кровью, лежащее навзничь, лицом вниз, на траве подле лесного водоема. На другой фотографии девушка уже перевернута на спину и теперь видно, что она очень красива и молода. Раскатова задержала дыхание, словно перед тем, как нырнуть в воду, и сказала на выдохе:

– Да. Знакома. Это Нэтти.

– Кто? – не понял майор.

– Наталья Белова.

И Волнистый услышав, как сдавленно вскрикнул мужчина, сидящий почти у самой двери, в кресле, резко обернулся.

А свита в смятенье пришла

Старший оперуполномоченный, майор Волнистый Сергей Павлович, никогда не переживал по поводу собственной фамилии. Что ж тут такого? Не все же родились Ивановыми, Петровыми и Сидоровыми, кто-то носил от рождения фамилию забавную, но прославлял ее, и все насмешки становились неуместными. Майор знаменитостью вроде Шерлока Холма становиться не собирался, но дело свое знал. В уголовном розыске Сергей Павлович отпахал много лет, заработал авторитет у сослуживцев и многочисленные поощрения, отмеченные в личном деле. Начальство было к нему лояльно. Единственное, чего не выносил майор – это ответственности. Привык быть за кем-то, щедро делясь удачами, и предоставляя при этом другим отдуваться за провалы. Когда начальник отдела ушел в отставку, должность его предложили, как самому опытному и старшему по званию, Сергею Павловичу Волнистому, но тот испугался. Самое большее, чего он хотел для себя – это быть заместителем начальника. Но отчитываться за невыполнение спущенных сверху показателей? При такой непредсказуемой работе? А, вдруг, заведется завтра в районе какой-нибудь маньяк, и начальство будет ежедневно пенять Сергею Павловичу и вызывать на ковер: почему до сих пор не изловили? Нет уж, увольте!

Начальника прислали сверху, и на беду Сергея Павлови-

ча, оказался он человеком с чувством юмора. Сам Волнистый шутить не любил, тем более, на работе. И уж тем более, над своей фамилией. Майор не походил на человека, над которым можно было бы безнаказанно насмехаться, потому что рост имел высокий, комплекцию внушительную, вел себя сдержанно, двигался тяжеловесно и даже, в некотором роде, плавно, *волнообразно*. Что ж делать, когда любая фамилия с годами накладывает на человека отпечаток. Волнистый, и все тут.

И все было нормально в жизни Сергея Павловича и, тем более, на службе, пока новый начальник, исчерпав запас безобидных шуток, не решился на главный розыгрыш. Где он откопал курсанта по фамилии Попугайчик, так и осталось его секретом. Но свежеиспеченный лейтенант Сережа Попугайчик тут же появился в отделе и был приставлен к мудрому Сергею Павловичу Волнистому в ученики. Майор сначала ни о чем не догадался: надо, так надо. Молодежь нуждается в наставниках, юный лейтенант у него не первый и не последний. У кого еще учиться, как не у опытного оперативника? Шутку Волнистый оценил только на следующий день, когда, проходя вместе с воспитанником по коридору, услышал за спиной нечто совсем необычное: смех. Такого не было еще никогда. Смеяться над Волнистым?! Сергей Павлович задержался, воинственно пригладил роскошные усы, готовясь дать отпор, и вдруг услышал:

– Вон, смотри, Волнистый Попугайчик идет!

Вот тут до Сергея Павловича, наконец, дошло! Он побагровел, отодвинул в сторону маленького, щуплого и ни в чем не виноватого Сережу, и, набирая ускорение по ходу, ринулся в кабинет начальства. Подполковник сидел за столом, невозмутимо перекладывая бумаги.

– Шута из меня делать?! Не позволю! – навис над столом Волнистый.

– А в чем, собственно, дело, Сергей Павлович? – прищурился подполковник.

– В напарнике! Переводите в другой отдел, я с ним работать не буду! Или пишу рапорт на увольнение из органов!

Сергей Павлович был непреклонен, и подполковник только плечами пожал:

– Хорошо, ждите вакансии.

Он прекрасно знал, что штат в районном отделении укомплектован. Но Волнистый был упрям, и дошел до вышестоящего начальства. Оно вошло в положение майора, пообещало помочь. Мол, как только, так сразу. Волнистый успокоился и чувствовал себя победителем, а пока терпел лейтенанта Попугайчика, который ни отходил не на шаг, мучительно краснея от застенчивости.

А тут еще на Волнистого свалилось *это*. Ох, как он не любил загадочных убийств! Поножовщина, драка, или на бытовой почве – куда ни шло. Маньяков и серийных убийц в районе, слава тебе, Господи, не объявлялось. Маньяки любили города большие, где можно было бы легко затеряться,

да и соблазнов больше, а в сельской местности не приживались. Но, приехав в тот вечер с группой на место происшествия, майор понял: оно. Глухое дело. Самое обидное, что у лейтенанта Попугайчика глаза тут же разгорелись: красавица блондинка лежала у самой воды лицом вниз, и ее роскошные волосы слиплись на затылке от запекшейся крови. Глупец! Вот как получишь первый раз по шапке…

Волнистый оценил увиденное: уединенное место, дорогую одежду потерпевшей, ее золотые украшения и отсутствие следов отчаянной борьбы. Не похоже ни на изнасилование, ни на ограбление. Точно: *оно.* У Волнистого было дурное предчувствие. Но своего смятения Сергей Павлович коллегам не показал, принялся работать так же старательно, как и привык. Но нутром чувствовал, что если и раскроет это дело, то никак не быстро, если раскроет вообще.

Пока судмедэксперт работал с телом убитой девушки, Волнистый понемногу приходил в себя. Он все никак не мог понять, дилетант здесь работал, или профессионал? Путаница во всем, за что ни ухватись. Местность же была живописной. Как нарочно выбирали! Красавица блондинка у воды. Заброшенный пруд, вода, как кристалл, берега заросли осокой. С противоположной стороны спускаются в воду деревянные мостки. Возле них, в метре, воткнуты в илистое дно две деревянные рогатины.

– Кто нашел тело? – спросил Сергей Павлович, обратив внимание на эти рогатины. Ответ напрашивался сам.

– Рыбаки, – ответил приехавший чуть раньше участковый. Это ему позвонили, сообщив о трупе. – Приехали к утренней зорьке, карась здесь, говорят, хорош.

– Все ясно: карась. Да как она попала-то сюда, такая красотка? А, эксперт? Что скажешь? Привезли и бросили в укромном месте?

– Здесь убили, – уверенно ответил эксперт. – Пулевое ранение в голову. Как упала, так и…

– Это я и сам вижу, – в отчаянии махнул рукой Сергей Павлович. Уж лучше бы не в его районе…

– Оружие нашли! – крикнули из кустов.

Волнистый с юным лейтенантом побежали туда. В густом кустарнике было аккуратно и со знанием дела вытоптано местечко. Позиция для стрелка. Здесь же лежал пистолет с длинным дулом, на который майор посмотрел с удивлением. Эт-то еще, что за петрушка такая?

– Заказное убийство! Сергей Павлович! – восторженно прошептал лейтенант. – Вот это да!

Это была мечта юного оперативника. Не кухонная ссора, не поножовщина, а настоящая драма в духе голливудских боевиков. Жертва: красавица – блондинка, оружие оставлено на месте преступления. Наемный убийца совершил расправу над юным, беззащитным существом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.